

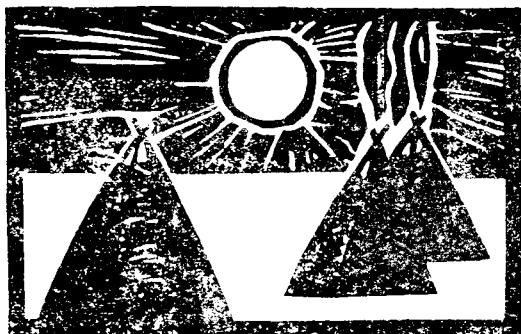
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В Е Х И
ЗАБЫТЫХ
ПУТЕЙ

ВЛ. М У Р А В Ь Е В

В Е Х И
ЗАБЫТЫХ
ПУТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1961

*Ответственный редактор
доктор исторических наук*

С. А. ТОКАРЕВ

Финский этнограф и лингвист Магнус Александр Кастрен (1813—1852) был ученым с необычайно широким кругом интересов. Он внес большой вклад в финно-угроведение, в изучение самодийских, монгольских, тюркских и палеоазиатских языков. Выдающееся научное значение имеют его работы по финской мифологии, истории развития религиозных верований. Венчающая исследования Кастрена теория саянского происхождения угро-финских и самодийских народов подтверждена работами советских ученых.

Исследуя язык, быт, фольклор, религию народов Сегера и Сибири, Кастрен по данным языка, древним обычаям народов, названиям рек и селений восстановил вехи забытого пути, которым угро-финские и родственные им самодийские народы пришли из мест древнего обитания на свою современную территорию. Эти вехи привели ученого на Саяны.

Факты и материалы для своих исследований Кастрен черпал не из книг, а добывал в трудных и долгих путешествиях, совершенных по заданию и на средства Петербургской академии наук. Его кабинетом были дымный чум и пронизываемая ветром хибарка на полярном зимовье, войлочная юрта и охапка соломы, брошенная на землю у костра.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕМЕЦ

В ясное морозное утро 19 декабря 1842 года перед крыльцом дома мезенского городничего стояла крытая кибитка, запряженная парой лошадей. Бородатый ямщик, ворча и чертыхаясь, выносил из дома бесконечные ящики, клеенчатые пакеты и кожаные сумки, а два полицейских укладывали все это под олений полог кибитки.

Кибитку, ямщика и полицейских окружала порядочная толпа любопытных мужиков, баб и ребятишек. Они мерзли здесь уже второй час, но не расходились.

— Кто едет-то? А? Кто едет? — спрашивала молодая баба в драном полушубке, продираясь сквозь толпу.

— Немец едет, вот кто, — ответил ей широкоплечий мужик.

— Какой немец?

— Да кто его знает... Сами любопытствуем.

«Немец», отъезда которого ожидала толпа, прикатил в Мезень на почтовых из Архангельска, пробыл в городе неделю и теперь уезжал дальше — на северо-восток — в Сибирскую тундру. Никто из собравшихся обывателей толком не знал, кто он такой, этот немец, и с какой целью едет в Сибирь. Но все были уверены, что едет он в эти гиблые места уж, конечно, не по своей воле.

Одни говорили, что его ссылают в Сибирь за какие-то преступления, другие объясняли, что он приехал-де искать в тундре золото и серебро. Кое-кто видел немца, как тот толкался у кабака среди самоедов, подолгу сидел в их чумах, о чем-то расспрашивал и все записывал в книгу...

Ну, что, казалось бы, в том, что едет через уездный город проезжающий — нечиновный, небогатый, не облеченный никакой властью? Разве мало по бесконечным российским дорогам ездит таких людей? Въезжают они в какой-нибудь уездный городишко через одну заставу, выезжают через другую, и нет никому дела до них: езжай, коли тебе надобно.

! Но Мезень так просто не минуешь...

...Еще в царствование Ивана Грозного поселились здесь, на берегу Студеного моря-окияна, два отважных новгородских мужика Окладников и Филатов. Мало-помалу вокруг их изб выросла слободка, а потом и городок.

Многие годы мезенцы занимались морским звероловством. На своих парусниках — «без пособия науки, руководимые одною русской удалью», — ходили они на Новую Землю и на Грумант. Тогда в мезенском порту бывали иностранные суда, а богатые мезенские купцы торговали лесом и пушниной, и на гербе города красовалось изображение красной лисицы на серебряном поле, в знак того что жители Мезени, как объясняет старинный гербовник, торгуют ее шкурами.

Однако в середине XIX века мезенцы уже утратили свою былую славу отважных охотников, в городе не осталось ни одной моржоловной ладьи. Город запустел, и, по свидетельствам случайных заезжих гостей, не было в России города беднее, скучнее и печальнее.

В Мезени насчитывалось восемь улиц и переулков, две площади, двести три жилых дома (из которых один каменный), три церкви, три кабака, одна полицейская будка и полторы тысячи жителей.

Неторопливо и однообразно текла жизнь мезенских обывателей. И все, что выходило за рамки обычных забот: о хлебе насущном, даже то, что в другом любом городе прошло бы незамеченным, в Мезени становилось событием, вызывавшим долгие толки и пересуды...

Поэтому и отъезд никому не ведомого немца собрал перед домом городничего толпу любопытных.

Наиболее нетерпеливые заглядывали в низенькие окна и, вспугнутые полицейским, ныряли в толпу, сообщая самые свежие новости:

— Обедают еще...

Наконец дверь распахнулась, и на крыльцо в сопровождении городничего и жандармского полковника вышел «немец».

Люди подступили к самой кибитке, бесцеремонно разглядывая немца. Он был действительно молод — лет тридцати.

На его широком приветливом лице, с крупным носом и большим ртом, блуждала смущенная улыбка, а добрые глаза через поблескивающие на солнце стекла очков с удивлением оглядывали толпу. Он совсем не ожидал такого внимания к своей ничем не примечательной особе.

Немец уселся в кибитку. Послышалось громкое: «С богом!», и кибитка тронулась.

Быстро бегут бойкие лошадки-мезенки по накатанной гладкой дороге. Вокруг необычайно тихо. Молчат седок и ямщик. И даже стук копыт и однозвучный звон колокольцев не нарушают стоящей вокруг необыкновенной тишины.

Уже стало смеркаться, когда вдали показалось большое село Сомжа. Лошади прибавили ходу, ямщик засвистал и, первый раз за всю дорогу повернувшись к седоку, застоявшимся хриплым голосом спросил:

— Куда ехать — на постоялый двор или к Луке Фомичу?

— Куда хочешь.

— Так к Луке Фомичу. У него завсегда господа осанавливаются, — заключил ямщик и хлестнул лошадей. — Но, милые!..

Лука Фомич, богатый мужик, услышав на улице перед воротами звон бубенцов, послал сына встретить приезжего.

Немца провели в чистую горницу. Ямщик внес за ним вещи.

Не успел приезжий оглядеться, как, царапнувшись у двери, в горницу вошел тощий оборванный мужичонка и остановился у порога.

— Чего тебе? — спросил приезжий.

— Ваше благородие, тебя господин становой требует к себе на постоянный двор.

— Зачем я ему понадобился?

— Не знаем-с. Только они требуют.

— Скажи своему становому, что ежели у него есть до меня дело, то пусть потрудится прийти ко мне сам. Мужичонка ушел. Но минут через десять он вернулся. Под глазом у него сиял свежий синяк.

— Господин становой гневаются. «Я,— говорит,— чин, а он, то есть ты, ваше благородие, еще неизвестно кто».

— Я повторяю тебе, что ежели господину становому есть до меня какое дело — милости прошу. А к нему я не пойду.

Вскоре явился становой. Он был тучен и пьян.

— Служебный долг повелевает мне выяснить, кто вы такой,— громко рявкнул становой, вместо приветствия.

Приезжий протянул ему дорожную и несколько плотных листов бумаги, украшенных гербами и печатями. Становой взял бумаги и стал читать вслух:

— Александр Христианович Кастрен. Немец, значит, будете?

— Нет, финн.

— Служащий в Императорской Российской Академии наук... — продолжал читать становой, — ...как путешественник-этнограф по северной экспедиции... А это что за бумага?

Бумага оказалась предписанием министра внутренних дел всем чинам полиции оказывать содействие научным изысканиям г. Кастрена и исполнять его приказания, ежели таковые последуют.

— Чем могу служить, господин путешественник? — взял становой под козырек.

Кастрен усмехнулся, глядя на надутого полицейского, и сказал:

— Пока прошу отпить со мной чаю...

«ТРУД ЖИЗНИ»

За чаем, к которому была выставлена бутылка хорошего рома, завязался разговор.

— С какой целью, собственно говоря, вы, так сказать, пожаловали в наши края?— спросил становой.

— Я изучаю нравы и язык самоедов.

— Что их изучать, этих пьяниц?— искренне удивился становой.— Чудно!

— Служба,— коротко ответил Кастрен.

— Аа,— удовлетворился полицейский.— Раз служба, значит, тут рассуждать нечего. Я сам в службе — черт.

Кастрен улыбнулся и подумал, что, наверное, полицейский счел бы его сумасшедшим, если бы он попытался объяснить, что привело его сюда и сколько было затрачено сил и энергии, только для того чтобы сейчас сидеть здесь, в дальней северной деревне Сомже...

Матиас Александр Кастрен родился 2 февраля 1813 года на Кемии в селении Тервола*, где его отец служил пастором.

Суровая и мужественная природа Финляндии рано приучила Александра Кастрена переносить тяготы долгой зимы и не бояться ни снегов, ни метелей. В детстве он не раз отправлялся с товарищами на рассвете на охоту и, выкопав в снегу яму, ожидал в ней приближения добычи. Все пучины и пороги бурной Кемии были знакомы ему, как двор родительского дома.

Отец умер, когда Александру было двенадцать лет. Родственники отвезли мальчика в Улеаборг и устроили в тамошнюю школу.

В школьном пансионе кормили довольно скудно. Большинству школьников присылали из дому деньги и провизию. Но Кастрен не мог рассчитывать на помощь от матери, которая на маленькую пенсию должна была содержать себя и семерых детей. Все годы учения в Улеа-

* В книге повсюду даются современные Кастрену названия населенных пунктов. Также сохраняются принятые в научной литературе того времени наименования народов. Необходимость сохранения прежних наименований вызывается тем, что у Кастрена термин самоеды обозначал всю группу самодийских народов в целом — ненцев, энцев, нганасанов и селькупов. В таком же смысле этот термин употребляется и современными этнографами (Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 483).

борге Александр растолковывал уроки своим менее понятливым одноклассникам, получая от них за это булки или какую-нибудь более сытную еду.

В домотканой грубой одежде, с пятью рублями в кармане шестнадцатилетний Кастрен явился в Гельсингфорс и поступил в университет.

Он хотел одного: стать пастором и получить место, которое дало бы ему средства для более или менее обеспеченной жизни.

В Гельсингфорсе все его намерения и планы неожиданно переменялись. Им овладели новые желания и новые мечты, которые определили всю его дальнейшую судьбу.

Студенчество жило бурной жизнью. В стенах университета шла ожесточенная борьба.

До начала XIX века Финляндия в течение почти шести с половиной столетий находилась под владычеством Швеции, подавлявшей финскую национальную экономику и культуру. Официальным языком в Финляндии был шведский. На нем велось преподавание в учебных заведениях, издавались книги и газеты, на нем говорили горожане. О финском языке в одной книге того времени писалось: «Финское наречие чрезвычайно грубо, шероховато и неприятно для тонкого уха».

И только после русско-шведской войны 1808—1809 годов, в результате которой Финляндия была включена в состав России в качестве автономного Великого Княжества, положение изменилось.

Заигрывая с финским народом, долгое время находившимся под шведским владычеством, и желая привлечь финнов на свою сторону, русский царизм пошел на ряд политических уступок, отменил многие, существовавшие во времена шведского господства, ограничения, стеснявшие развитие торговли и промышленности. Все это создало условия для развития национальной экономики и культуры Финляндии (правда, до поры до времени — пока это было выгодно русскому царизму. В эпоху развития империализма в России царское правительство повело в Финляндии открытую русификаторскую политику и одну за другой отменило многие из своих прежних политических и экономических уступок).

Но даже после политического освобождения из-под власти Швеции шведское влияние было столь сильно, что часть финской интеллигенции даже склонялась к мысли

пренебречь национальной культурой и подчиниться более развитой шведской. Подобные настроения в 1820—1830-е годы встречали резкий отпор в среде финской студенческой молодежи и в среде близкой к народу интеллигенции.

«Почти все финское племя,—с горечью писал Кастрен,—оставалось до последнего времени в неизвестности и во всемирной истории было сбойдено уже совсем несправедливым образом. Благодаря неведению более древних судеб племени смотрели на его рассеянные ветви, как на совершенно ненужные ростки родословного древа человечества, и бытописатель отрезывал их без стеснения, чтобы предать их забвению и гибели».

1820—1830-е годы стали в Финляндии годами национального пробуждения. Создавались патриотические кружки. Поколение, к которому принадлежали выдающийся политический деятель, один из вождей финского национального движения Юхан Вильгельм Снельман, и поэт Людвиг Рунеберг, и писатель Захариус Топелиус, и Кастрен, считало своим долгом доказать человечеству, что финны вовсе не «ненужные ростки». Жизнь молодых патриотов с самого начала была озарена великой целью—служить родной стране и ее народу.

Вместо того чтобы заниматься богословием, Кастрен самозабвенно отдался изучению финского языка и финского фольклора. «Именно в эти годы,—пишет он,—я принял решение, труд моей жизни отдать изучению языка, религии, обычаев, образа жизни и всех других этнографических условий финского племени и других родственных племен». Он мечтал определить место финских народов в «родословном древе человечества».

История финского народа, его обычаи, фольклор, язык — все являлось загадкой. Самое происхождение финнов было загадкой. Некоторые ученые производили финнов от евреев, пришедших на север после падения Иудеи, другие считали предками финнов древних греков и римлян.

В начале XIX века сравнительно-историческое языкознание позволило определить целую группу языков, родственных финскому языку. В нее вошли финский, лапландский, или лопарский (саамский), эстонский, венгерский и ряд языков народов Урала и Сибири. Но, не говоря уже о сибирских народах, финское языкознание и финская этнография все же оставались совершенно неизученным белым пятном в науке.

Финский язык сравнивали с еврейским, греческим, латинским, монгольским. При некоторых натяжках и ослепленности предвзятой идеей такие сравнения позволяли делать любые нужные исследователю выводы. Кастрен тоже сначала поддался соблазнительной и занимательной игре в сравнения финского языка с монгольским, но очень скоро оставил эти занятия. «Исследование не может идти так далеко, прежде чем промежуточные между ними языки (т. е. более близкие к финскому.— В. М.) детально не будут изучены в грамматическом и лексическом отношениях,— рассуждал он.— До настоящего времени не знают даже характера и законов финской языковой группы. Как можно сравнивать этот икс с иксом монгольским?»

И Кастрен засел за эстонский и лапландский языки. Жить было трудно. Днем молодой ученый слушал лекции в университете и бегал по урокам, добывая средства к существованию, а по ночам занимался.

Восемь лет прошли в напряженнейшем труде. И в результате Кастрен убедился, что приобретенных путем чтения знаний— а он взял от книг все, что они могли дать,— для серьезной научной работы далеко не достаточно. Это открытие подействовало на него самым угнетающим образом.

В один из мартовских дней 1838 года— последнего года учения в университете— Кастрен сидел в своей комнате и задумчиво листал толстую книгу. Раздался стук в дверь.

— Войдите!

— Здравствуй, Александр!— оживленно сказал вошедший в комнату молодой человек, друг Кастрена, доктор Эрстрем. Но увидя серьезное, даже мрачное выражение его лица, он встревожился: он хорошо знал, что друг его не из таких людей, чтобы унывать по пустякам.

— Что с тобою, Александр!

Кастрен громко захлопнул книгу и, не глядя на Эрстрема, глухо сказал:

— Я решил оставить свои занятия языкознанием и просить пасторского места.

— Почему?— удивился Эрстрем.

— После зрелого размышления,— вздохнув, ответил Кастрен,— я пришел к выводу, что при нынешнем состоянии науки мои работы будут похожи на гадание на кофейной гуще. Мне нужны факты, необходимы далекие

и, главное, дорогие путешествия по Европе и Азии. А у меня на это нет средств и, наверное; не будет никогда...

Кастрен горько усмехнулся и забарабанил пальцами по переплету закрытой книги.

Долгая минута протянулась в молчании.

— Александр, — тихо сказал Эрстрем, кладя свою руку на руку друга, — не спеши с окончательным решением. Мы найдем выход. Выслушай, с чем я к тебе пришел. Этим летом мне предстоит по делам службы объехать всю Финскую Лапландию, и я хочу пригласить тебя совершить это путешествие вместе со мной...

Краткая, в течение всего нескольких месяцев, поездка с Эрстремом могла дать очень немного для осуществления широких планов молодого языковеда, но даже такой неожиданно представившейся реальной возможности начать работу оказалось вполне достаточно, чтобы к Кастрену возвратились его энергия и жизнерадостность.

— Ну, что же, едем? — спросил Эрстрем.

— Едем! — ответил Кастрен.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В начале июня Кастрен и Эрстрем встретились в Торнео. Там к ним присоединились еще два попутчика — натуралист Бланк, отправляющийся в Лапландию для изучения растительного и животного мира этой страны, и молодой священник Дурхман, посланный в северные селения для назидания паствы.

Молодые люди начали свое путешествие накануне праздника Иванова дня.

Иванову ночь они провели под лучами незаходящего солнца у веселых костров на знаменитой горе Аава-Сакса, а на следующий день уже бродили по гротам горы Луппио, силами воды и ветров превращенную в причудливое подобие замка — с каменными лестницами, отвесными стенами, запутанными переходами и пещерами, похожими на торжественные сводчатые залы.

Возле Луппио кончилась сухопутная дорога. Дальше пересели в лодки.

Больше недели четверо приятелей добирались вверх по Торнео до Муониониско. Они не столько плыли на

лодке, сколько шли вдоль берега по лесам и полям, переходили болота и вязкие трясины, помогали лодочникам длинными баграми проводить груженные лодки между быстринами и водоворотами...

25 июня путешественники пересекли Северный полярный круг.

Как-то вдруг с горизонта исчезли горы и холмы, уступив место бесконечной низине, покрытой мхом и болотами.

По берегам, то подступая к самой воде, то уходя в синюю даль, стояли кучки обросших седым мхом пасмурных сосен.

Здесь проходила настоящая граница Лапландии — «царства ночи и холода», как называют ее поэты.

Но тем не менее жара стояла невыносимая, к тому же донимали комары и мошкара. Из-за жары иногда оста-

танавливались на отдых днем и продолжали путь ночью. Если между остановками заставал дождь, то разводили на берегу костры и сушили промокшую одежду.

В Муониониско Кастрен встретил священника лапландца, приехавшего в этот городок специально для занятий финским языком. Кастрену не хотелось упускать удобного случая расширить свои познания в лапландском языке, и он уговорил приятелей задержаться в Муониониско на две недели.

Между тем короткое лапландское лето быстро шло к концу, а путешествие только еще началось. Нужно было торопиться, чтобы проехать весь намеченный маршрут и возвратиться домой до наступления зимы.

Неожиданно Эрстрема вызвали из Муониониско в Тор-

нео. Друзья проводили его и в дальнейший путь отправились втроем.

Через несколько дней они были в небольшом деревушке Пельдовуома на берегу Унасиоки. Дальше предстояло перебираться через горы. Молодые люди решили спросить совета у местных жителей.

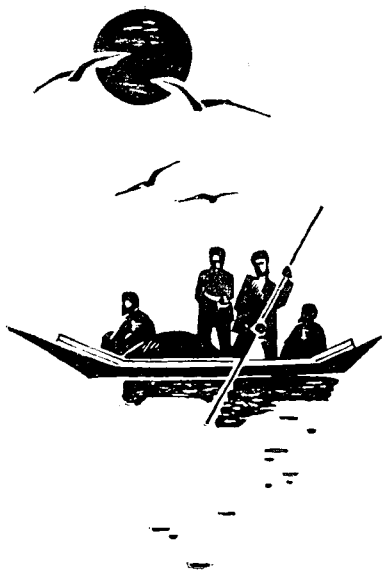
— Возьмите, господа, ваши ранцы на плечи, — посоветовал им старик Эрик Пельдовуома, — запаситесь провизией дня на четыре или на пять и ступайте пешком до Йоргастака. Тамощние рыбаки охотно доставят вас в лодке вниз по Тено до Утсьйоки. Если же этот путь вам не нравится, то можно плыть через озеро Энаре. Но эта дорога на 20 миль длиннее и в тысячу раз затруднительнее.

Путешественники выбрали путь через Энаре, так как этот маршрут был интересней и представлял больше возможностей для наблюдений.

Как нарочно день, назначенный для отъезда, выдался хмурый и дождливый. Тяжелое серое небо низко нависало над землей, от воды веяло свинцовым холодом. Не очень приятно пускаться в путь в такой день, особенно когда знаешь, что на пространстве тридцати миль не найдешь над головой никакой другой кровли, кроме мрачного неба; другого очага, кроме зажженного на короткой стоянке костра; другой постели, кроме холодной сырой земли или — при счастье — ущелья в какой-нибудь горе...

Лодка была нагружена, все уселись — и, собственно, только с этого началось настоящее путешествие по Лапландии.

Весь первый день пути дождь лил не переставая. Наша лодка с трудом плыла против течения. Но к вечеру стало проясняться. Открылось голубое небо, и солнце

выглянуло из-за редееющих облаков. Веселые блески пробежали по темным волнам, посветлели на берегах дерева и трава, в притихшей воде заплескались рыбы, над лодкой, вылетев из своих убежищ, куда их загнала непогода, закружились птицы.

Путешественники тоже приободрились. Правивший рулем проводник запел.

По напеву Кастрен узнал песню о прекрасной дочери Лоухи и о походах Вяйнямейнена в Похьолу. Боясь проронить слово, слушал он древнюю финскую песню, уже позабытую в самой Финляндии.

Труден путь до реки Ивалойоки, впадающей в Энаре. Он идет по цепи небольших и не соединенных между собой озер. То и дело лодку и поклажу приходилось перетаскивать из одного озера в другое посуху. К тому же проводник, ведший Кастрена и его товарищей, после долгих блужданий объявил, что он не совсем уверен в дороге, так как сам здесь не бывал, а ведет по рассказам людей.

Однако проводник вывел путников к Ивалойоки.

Еще несколько часов плавания среди пустынных берегов, и вдали за поворотом показался подымающийся к небу дымок.

— Дым! Люди!

И весла стали опускаться в воду дружнее и энергичнее.

Рыбак-лапландец, лежавший на берегу у костра, дым которого заметили путешественники, встретил их торжественной речью:

— Кто вы, плывущие по Ивалойоки? Куда держите путь? Впрочем,—важно перебил самого себя рыбак,—зачем же я спрашиваю о том, что мне уже известно. Я всех вас видел во сне.

Так он дал понять «плывущим по Ивалойоки», что он не простой человек, а колдун.

Кастрен чрезвычайно обрадовался этой встрече.

Он, не торгуясь, купил у рыбака несколько хариусов, дал ему табаку, угостил стаканом водки и стал расспрашивать о его профессии колдуна.

Колдун, не смущаясь, принялся рассказывать самые невероятные истории о себе и других колдунах и петь песни. Кастрен записывал эти песни и рассказы, время от времени потчuya колдуна табаком и водкой.

— Я тебя крепко полюбил,— сказал колдун Кастрену,— приезжай ко мне в Киттила, я тебе еще не то расскажу.— И, оглянувшись по сторонам, громко зашептал:— Я покажу тебе Сейту, принадлежавшего Пэйвио*. Этот Сейта ест людей, но ты не бойся, при мне он тебе ничего худого не сделает.

Путь по Ивалойоки продолжался восемь дней. Путешественники вели лодку через пороги, сдерживая ее длинными шестами. На каждом шагу их подстерегала опасность — водовороты, камни и скалы.

Часто Бланк и Кастрен взбирались на скалы, нависшие над водой, и смотрели вперед, надеясь вдалеке увидеть широкую гладь Энаре.

Но вокруг повсюду тянулась лишь одна бесконечная цепь скал. Иногда, завидя вдаль широкую трепетную синеву, кто-нибудь радостно кричал: «Вижу Энаре!» Но невозмутимый проводник одним словом разрушал все надежды:

— Это туман над долиной. Энаре будет видно, когда кончатся скалы.

И вот скалы кончились.

Об озере Энаре лодочник, взявшийся доставить Кастрена и его товарищей в лапландскую деревню Юуутуа, расположенную на одном из островов, рассказывал, что оно имеет в длину двенадцать миль, в ширину — восемь и что на нем столько островов, что ни один человек не смог бы сосчитать их, разве только Пэйвио. Один лопарь в давнее время хотел измерить глубину озера, привязал к канату котел и спустил его в воду. Но когда канат опустился на двести сажен, водяной дух сбрезал его и забрал котел себе. С тех пор никто не смеет измерять глубину Энаре. А говорят, что на середине озера совсем нет дна.

Пробившись сквозь густой утренний туман, путешественники пристали к берегу, и их взорам открылась деревня.

Это была первая лапландская деревня, которую видел Кастрен. Он с любопытством оглядывал низкие темные, сложенные из толстых бревен жилища лапландцев —

* Сейты — камни-валуны, которых лапландцы обожествляли и приносили им жертвы.

Пэйвио — божество лапландских поверий.

тупы. Дощатые пирамидальные крыши, начинающиеся чуть ли не с самого основания тупы, сложенной из бревен, придавали им вид палаток. В стороне от каждой тупы на высоких столбах стояли маленькие клетки, в которых лапландцы сберегают рыбу от хищных зверей. Между тупами повсюду навалены кучи мусора, гнилая рыба, рыбы внутренности, чешуя и всякие другие отбросы.

Навстречу путешественникам из туп вышли люди. Все обитатели деревни, в том числе и дети, в глубоком молчании подходили и пожимали руки приезжим. Затем последовали вопросы: каждый лопарь, следуя обычаю, осведомлялся: «Все ли спокойно у вас? Здоров ли государь? Здоров ли начальник округа?» И путешественники каждому вынуждены были отвечать. Наконец Кастрена и его спутников пригласили в дом.

* *
*

После нескольких часов освежающего сна Кастрен вышел из тупы на улицу. За то время, пока он спал, деревня словно изменилась: все мужчины и женщины в знак уважения к гостям переоделись в праздничную одежду. Теперь на них вместо глухих черных рубах из дубленой оленьей кожи были рубахи из сукна, подпоясанные ремнями с блестящими медными и серебряными украшениями, а женщины поверх рубах повязали белые с длинными концами холщовые воротники.

Но было пора продолжать путь, и молчаливый проводник лопарь, нанятый в Юуутуа, повел путешественников дальше.

Они шли по обширным болотам, покрытым наводящим грусть серым оленьим мхом. Изредка кое-где возвышались скалы. В Миеращяуре путники взяли у рыбака лодку и тем же вечером добрались до пасторского дома в Утсъяоки.

В Утсъяоки они пробыли две недели.

Назад возвращались тем же путем, каким добирались сюда.

Снова болота, каменистые речки, утомительные горы, сжатые скалами озера и, наконец, последний этап — плавание по знакомой Кастрену с детства бурливой Кемни.

Из путешествия по Лапландии Кастрен привез несколько толстых пачек записей лапландских сказок, песен

и легенд, а главное, он получил такое знание лапландского языка, какое не дали бы ему никакие книги.

Кастрен принялся за обработку собранных материалов. В несколько недель он написал диссертацию «О родстве склонений финского, эстонского и лапландского языков», защитив которую, получил звание доцента и стал преподавателем Гельсингфорского университета.

ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

В 1839 году Кастрен обратился к Обществу финской словесности с просьбой помочь ему осуществить давно задуманную поездку в Карелию, чтобы там, в земле «Калевалы», собрать песни, предания, сказки и разные другие материалы, которые помогли бы ему написать давно задуманный труд по финской мифологии и перевести на шведский язык «Калевалу». Народные финские и карельские певцы создали много прекрасных песен-рун о светлой и солнечной стране легендарной Калевале, о жизни ее трудолюбивого и талантливого народа и о его борьбе против темных сил, обитающих в стране мрака Похьеле.

В этих рунах отразились героический характер финского народа и его мечты о счастливой жизни.

В первые годы XIX века уездный врач Топелиус (отец известного писателя Захариуса Топелиуса) записал первые руны, а в 1821 году опубликовал первый сборник финского фольклора «Старые руны и новые песни финского народа».

В конце 1820-х годов совершил свое первое путешествие в поисках рун студент Элиас Леннрот.

Леннрот был сыном бедного портного. С большим трудом ему удалось поступить в университет. В годы студенчества Леннрот вел полуголодное существование, однако учения не бросил. Окончив медицинский факультет, он стал врачом. Этот скромный сельский лекарь посвятил всю жизнь делу собирания и публикации финских эпических рун. На свои скудные средства Леннрот ездил в Карелию, где в памяти народных певцов еще сохранялись многие тысячи стихов-рун. Летом пешком, а зимой на лыжах, через болота и леса, с котомкой за плечами и флейтой в руке, он пробирался в самые глухие деревушки. Этого влюбленного в старинные песни человека, одетого

в бедное крестьянское платье, повсюду встречали как друга.

В 1835 году Леннрот из собранных им эпических рун составил книгу, которую он назвал «Калевала, или старые руны о древних временах финского народа». Соединенные в одно целостное повествование, руны образовали связный рассказ о легендарных временах и подвигах легендарных героев. Финская культура обогатилась великим сокровищем народной поэзии — эпосом.

Издание «Калевалы» имело огромное значение для финского национального движения и для развития финской литературы. Это издание встретили с восторгом все финские патриоты.

Еще в студенческие годы Кастрен задумал перевести «Калевалу» на шведский язык, который был, в отличие от финского, хорошо известен Европе, и этим сделать финский эпос доступным за пределами Финляндии. Но в рунах он встретил множество непонятных старинных слов и выражений, упоминание вещей и описание обычаев, которые давно уже не существовали в самой Финляндии и о которых не было никаких сведений в литературе. Ответы на все свои недоумения Кастрен надеялся найти на родине рун — в Карелии.

Общество финской словесности выделило ему 300 рублей на четырехмесячное путешествие по Русской Карелии, и в мае 1839 года Кастрен выехал из Гельсингфорса.

Прежде всего путь Кастрена лежал в Каяну, где жил Элиас Леннрот, с которым он хотел посоветоваться о маршруте путешествия по Карелии.

Леннрот с радостью согласился помочь Кастрену.

— Попав в Карелию, — говорил Леннрот, — сразу ощутишь в ней неуловимый дух древней поэзии. Он в тамошних деревнях, в любви их обитателей к старинным песням, преданиям и сказкам, в красивых свадебных нарядах, в ласкательных именах женщин и даже в выкрашенных пристанях, вымытых полах и хорошо убранных и засаженных рябиной дворах...

Леннрот помог Кастрену выбрать маршрут, рассказал о наиболее замечательных певцах. Богатейший материал этой поездки позволил Кастрену осуществить перевод «Калевалы» на шведский язык.

«Будучи близким к подлиннику, — писалось в одном современном отзыве, — и в то же время благозвучным, пере-

вод Кастрена отличается замечательной простотой языка и свидетельствует не только о филологической добросовестности переводчика, но и о его несомненном поэтическом даровании. Благодаря этому переводу образованное общество в Финляндии и скандинавская публика могли поближе ознакомиться с финским эпосом; он же лег в основу заграничных сообщений о Калевале».

Год спустя Леннрот и Кастрен договорились о совместной поездке по Русской Лапландии и Архангельской губернии. В конце ноября, поднявшись вверх по скованной льдом Кеми через Энаре, они приехали в пограничную деревушку Салла, намереваясь оттуда поехать в лопарскую деревню Аккала, об обитателях которой говорили, что они живут, одинаково чуждаясь и русских и финнов, и поэтому сохранили в чистоте свой язык и обычаи.

Но в Аккалу, отделенную от Саллы пустыней в 140 верст, съездить не удалось. Проводники заломили такую цену, что путешественники вынуждены были отказаться от их услуг и ожидать более благоприятного случая.

Через несколько дней из Аккалы прибыл караван с рыбой. Леннрот и Кастрен надеялись, что, распродав рыбу, лопари охотно довезут их до своей деревни. Но те же проводники уверили лопарей, что приезжие господа не с добром стремятся попасть в Аккалу, и лопари уехали из деревни ночью, тайком от путешественников.

Ученым пришлось вернуться в Энаре.

В Энаре их ожидала целая пачка писем. В надписи на одном из пакетов Кастрен узнал почерк академика Андрея Михайловича Шегрена.

Еще год назад, в 1838 году, Императорская Российская Академия наук решила снарядить экспедицию в Сибирь для изучения языков и быта населяющих ее народов.

Слухи об этом дошли до Гельсингфорса, и, кроме того, стало известно, что Академия наук ищет лингвиста-финнолога, который согласился бы ехать в эту экспедицию.

Кастрен написал в Петербург и предложил свои услуги. Занимавшийся изучением финно-угорских народов Шегрен ответил, что он уже наводил справки о возможных кандидатах для участия в экспедиции и ему порекомендовали Кастрена и Георга Валлина. Шегрен остановил свой выбор на Кастрене, потому что тот уже имел неко-

торую подготовку в области финских языков, в то время как Валлин занимался восточными языками.

Кастрен принялся готовиться к экспедиции, посвящая Шегрена во все подробности своих занятий. Предстоящая экспедиция овладела всеми помыслами молодого ученого.

Но весной 1839 года Шегрен неожиданно сообщил, что экспедиция отложена на неопределенное время, и посоветовал Кастрену строить свои дальнейшие планы, не рассчитывая на нее.

Но Кастрен как раз все свои надежды связывал с русской Академией наук.

Финский народ, работы и исследования финских ученых, произведения финских литераторов вызывали живой и дружественный интерес в русском обществе. Русские поэты писали о Финляндии и финнах. Один из ближайших друзей Пушкина — Е. А. Боратынский создал проникнутую большой любовью к природе Финляндии и ее народу поэму «Эдда»; поэт-декабрист Федор Глинка — несколько поэм и стихотворений; на страницах русских газет и журналов помещались статьи, освещавшие научную и литературную жизнь Финляндии, в частности, в основанном А. С. Пушкиным «Современнике» был напечатан подробный отчет о последней совместной поездке Кастрена и Леннрота по Карелии. Личные дружеские отношения связывали русских и финских литераторов и ученых Леннрота, Плетнева, Рунеберга, В. Ф. Одоевского, Ф. Глинку, Грота, Шегрена, Кастрена и других. В то же время Петербургская Академия наук усилила свою деятельность в области изучения финно-угорских народов. Это была единственная академия в мире, занимавшаяся этими народами и имевшая у себя специалиста по ним — академика Шегрена.

Научная работа Кастрена встречала большой интерес со стороны Академии наук, и он надеялся с ее помощью изучить языки и жизнь многих родственных финнам народностей, обитающих на бесконечных просторах России, и прежде всего самоедов.

Для того чтобы убеждение стало научным фактом, гипотеза — теорией, предстояла огромная работа по исследованию многих народов — от берегов Ледовитого океана до Китая. Перед Кастреном стояла задача установить родственные связи между финнами и сибирскими народами, найти места древнего обитания предков финских наро-

дов и восстановить тот забытый древний путь, которым они пришли на свою теперешнюю территорию.

Пакет из Петербурга содержал официальную бумагу, которой извещалось, что Императорская Российская Академия наук решает отправить ученую экспедицию в Сибирь и предлагает г. М. А. Кастрену участвовать в ней в качестве этнографа и лингвиста.

Исполнилось самое заветное желание Кастрена.

БУРЯ НА МОРЕ

К официальной бумаге, полученной Кастреном из Академии наук, было приложено письмо от Шегрена, в котором сообщалось, что экспедиция в Сибирь состоится лишь через год, и поэтому Кастрен может продолжать путешествие по Лапландии, следуя своему прежнему плану: из Энаре к европейским самоедам и, наконец, через северный Урал в Сибирь, где и начнется его академическая служба.

До Архангельска Кастрен и Леннрот добрались без особых приключений, если не считать, что из-за распутицы им пришлось задержаться около месяца в Кемии.

В Архангельске Кастрен прежде всего посетил считавшегося знатоком жизни и языка самоедов архимандрита Вениамина, у которого он надеялся брать уроки самоедского языка. Но Вениамин, отговариваясь недосугом, решительно отказался заниматься с ним, и после этого дальнейшие планы Кастрена и Леннрота изменились: Леннрот решил ехать на Онежское озеро к вепсам, а Кастрен употребить лето на поездку к терским лопарям, все же надеясь посетить самоедов, как только установится санный путь.

27 июня Кастрен покинул Архангельск на большой ладье, отправлявшейся к мурманскому берегу с грузом муки. По пути ладья должна была завернуть к западному побережью Белого моря около Трех Островов. Там Кастрен собирался сойти на берег и дальше продолжать путешествие уже сухим путем.

Обычно при попутном ветре переход от устья Двины до Трех Островов занимал не более суток. Но на этот раз, как только ладья вышла в открытое море, утих ветер и наступил штиль. Пришлось встать на якорь возле маленького островка.

Целую неделю ладья стояла неподвижно, жарясь на жгучем солнце. В каюте было тесно и душно, но и палуба не представляла ничего привлекательного, потому что наваленные на ней съестные припасы от сильной жары начали портиться и издавать зловоние.

Наконец, в одно утро подул ветер, рыбаки подняли паруса, и тяжелая ладья тронулась с места.

Ветер был попутный. Сначала ладья шла вдоль берега, у Зимнегорского мыса повернула в открытое море. К полудню ветер снова стих, потом, переменив направление, потянул к северо-востоку и повлек ладью в сторону от нужного курса.

Вечером ладья подошла к белому покрытому льдами терскому берегу в полутора-два верстах от Трех Островов. Здесь встали на якорь в ожидании попутного ветра.

На следующее утро море было спокойно и светло. Однако вскоре в северной части неба показались небольшие густые облака. Через несколько минут стоявший на палубе Кастрен заметил быстро приближавшийся к судну кружащийся водоворот, за которым неслись густой туман.

Кастрен позвал хозяина. Рыбаки выбежали из каюты на палубу, а вокруг ладьи уже бушевало море, и все окутывал густой туман.

— Поднимай якорь! — закричал хозяин.

В этот миг послышался треск, якорная цепь лопнула, и судно помчалось.

Хозяин разразился страшными проклятиями и пожеланиями, чтобы черт взял и его самого, и Кастрена, и ладью.

В несколько мгновений буря вынесла судно в открытое море. Где-то внутри ладьи слышался треск. Волны перекачивались через палубу.

Сначала рыбаки пытались держаться как можно ближе к берегу и старались войти в ближайшую реку. А когда эта попытка не удалась, то решили править к противоположному берегу Белого моря, надеясь хоть там найти спасательную пристань.

Через двое суток ладью вынесло к Зимнегорскому мысу. На одном из кораблей, тоже оказавшемся у мыса, хозяин достал новый якорь.

Пять суток простояла ладья в гавани у Зимнегорского мыса в полной безопасности, но на шестые сутки ветер усилился и начал рвать судно с якоря. Хозяин решил,

У Кастрена таких денег не было, и ему оставалось только ждать чуда, которое вызволило бы его из поселка. так как идти пешком он не имел никаких сил. Но два дня спустя на рыбацкий стан приплыли два солдата таможенной охраны, которых прислал начальник проверить вещи высадившегося с ладьи человека и выяснить не контрабандист ли он. Солдаты доставили Кастрена в Кую, а оттуда переправили в Архангельск.

В Архангельск Кастрен вернулся совсем больной. В его тощем кошельке оставалось всего пятнадцать рублей. Ни о какой новой поездке с такими средствами думать не приходилось. Даже на жизнь в городе этого было недостаточно, и он уехал в деревню Уйму за 17 верст от Архангельска. С ним вместе в деревню поехал самоед-ненец, согласившийся за харчи обучать его ненецкому языку.

Кастрен прожил в Уйме весь остаток лета. Здоровье его поправилось. А к осени он получил от финского сената тысячу рублей на продолжение путешествия.

В конце ноября Кастрен в третий раз выехал из Архангельска, твердо решив ни в коем случае не возвращаться назад и во что бы то ни стало объехать ненецкие роды, кочующие по Мезенской тундре — огромной стране, ограниченной с севера Ледовитым океаном, с запада Уралом, с востока Белым морем, а с юга тайгой. Кастрен благополучно миновал Холмогоры, Пинегу и прибыл в Мезень, за которой начиналась область кочерья самоедов.

ПУТЬ К ОБДОРСКУ

Когда Кастрен был в Мезени, в город приехал архангельский гражданский губернатор. Чтобы хоть как-нибудь скрасить скучную поездку, губернатор приказал привезти в Мезень самоедского колдуна — тадибея, который позабавил бы его своими штуками.

Тадибей, кочевавшего за Сомжей, привезли в город. На базарной площади был поставлен большой чум, и представление, на которое собралась вся местная аристократия и куда был приглашен Кастрен, началось.

Тадибей, озираясь, как попавшийся в капкан зверь, вытащил из-за пазухи деревянную колотушку и ударил ею по бубну — пензеру. Послышались глухие звуки. Сначала они были редкими и тихими, потом стали громче и чаще и наконец слились в один неприятный глухой гул.

Вдруг тадибей присел, дико взвизгнул, пристально глядя прямо в глаза сидевшего в первом ряду губернатора. Под его диковатым странным взглядом губернатор, видимо, чувствовал себя не совсем хорошо, он натянуто улыбался и, повернувшись к городничему, сказал ему.

— Очень интересно, но жутко.

Звенели бубенцы, звякали оловянные бляхи, которые щедро украшали малицу тадибея, развевались суконные разноцветные ленты: камланье было в самом разгаре.

Чиновник, взявший на себя должность переводчика, переводил предсказания тадибея, который обещал губернатору всяческие блага и радости.

Неожиданно тадибей умолк и улегся на пол.

— Все? — спросил губернатор у переводчика.

— Сейчас я его подниму-с, — услужливо изогнулся переводчик, — он хитрит-с.

— Не надо, — сказал губернатор, достав из кармана рубль, подал его переводчику. — Отдайте это ему.

Когда губернатор и вся свита вышли из чума, Кастрен подошел к лежащему тадибею и сказал по-ненецки:

— Я хотел видеть настоящий кудес*, но ты обманул всех.

Тадибей раскрыл глаза и быстро зашептал:

— Не выдавай меня... Скажи большому начальнику, чтобы отпустил меня... А ты приезжай в мой чум, здесь тадебции** не приходят ко мне...

Неделю спустя, оказавшись в Сомже, Кастрен вспомнил тадибея. Он попросил становой найти человека, знающего дорогу к чуму колдуна. Такого человека не нашлось, и тогда становой приказал разыскать тадибея и привести его в деревню. Люди были посланы и через три дня вернулись с тадибеем.

Старик тадибей, напуганный вниманием начальства к себе, объявил, что он отказался от общения с дьяволом и сжег свой чародейственный бубен, но за рубль готов рассказать о колдовстве все, что только господин пожелает.

Кастрен в душе радовался такому повороту дела. Услышать рассказ тадибея было для него гораздо ценнее и интереснее, чем посмотреть камланье, которое к тому же он уже не раз видел в тундре.

* Кудес — шаманское камланье.

** Тадебции — шаманские духи.

— В моем роду. — начал свой рассказ тадибей, — в прежние времена было много знаменитых тадибеев. Я был очень молод, когда мне впервые явились тадебции. Отец отдал меня в учение к двум тадибеям. Они завязали мне глаза, дали в руки пензер и приказали стучать в него. Я бил в пензер, а тадибеи били меня — один по голове, другой по спине. Ой, больно били. Я, однако, терпел. И вдруг все просветлело, и я увидел много-много тадебциев, они плясали у меня на руках и на ногах. Потом они пропали. Но с тех пор тадебции стали открывать мне свою волю.

— Говорят, что ты очень хорошо отыскивал пропавших оленей. Расскажи, как ты это делал.

Тадибей закрыл лицо руками и, качаясь, монотонно запел, растягивая слоги:

Придите, придите,
Духи волшебные!
Вы не придете,
Я сам к вам приду.
Проснитесь, проснитесь,
Духи волшебные!
Я к вам пришел.
Пробудитесь от сна!

— А тадебции мне отвечают, — и тадибей запел измененным голосом:

Скажи же нам,
Что тебе нужно?
Зачем ты пришел
Возмутил наш покой?

— А я им говорю, — перешел он снова на свой голос:

Сейчас явился
Ко мне один ненец —
Пропал у него
Один олень.
Потому-то к вам
И пришел я.

Тадибей умолк, все продолжая раскачиваться с закрытым руками лицом. Потом он отнял руки от лица и заговорил:

— Ко мне приходил тадебцио. Я говорил ему: «Ищи оленя, ищи хорошенько». И тадебцио уходил искать оле-

ня. Потом он возвращался, и я говорил ему: «Скажи мне правду. Не обманывай. Если обманешь, то мне будет плохо, надо мной будут насмехаться. Скажи прямо, что ты видел,— скажи доброе, скажи злое, только скажи правду». И тадебцио говорил мне, где олень.

— И что же, ты всегда находил оленя?

— Нет. Не всегда. Бывает, олень уйдет с этого места, а бывает, что тадебцио не захочет сказать правды. Теперь я стар, и тадебции перестали любить меня. Они смеются надо мной. А раньше тадебции были очень добры ко мне...

* * *

*

Во второй половине декабря Кастрен тронулся дальше. Теперь его путь лежал по пустынным Канинской и Тиманской тундрам до Пустозерска, русского села в устье Печоры.

Ненец-проводник впряг по четверке оленей в каждые сани. Потом длинным ремнем привязал одного из оленей, впряженных в сани Кастрена, к задку своих саней, уселся, взял в одну руку вожжи, в другую длинный шест—хорей, тронул им каждого из оленей, и сани быстро понеслись вперед.

Дорога шла прямо на север, по необозримой Канинской тундре. Пошел снег, возница вполголоса затянул однообразную песню.

Вокруг лежала пустынная белая равнина. Только изредка покажутся кое-где реденький ельник — мьянда или стоящие над ручьем кусты ивняка. Холмы, покрывающие поверхность тундры, зимой почти незаметны: плотный снег засыпает все углубления и все сравнивает. А там, где вершина холма хоть сколько-нибудь возвышается над общим уровнем, там почва или обнажена совершенно, или покрыта тонкой, но крепкой снежной коркой, сквозь трещины которой пробивается частый олений мох...

Уже ночью Кастрен приехал в Нэс, деревушку на берегу реки Нес верстах в пятнадцати от впадения ее в Белое море.

Наутро он вызвал к себе старшину Канинской тундры и велел найти самоеда, хорошо говорящего по-русски. Старшина, почтительно кланяясь, обещал, что приказание будет выполнено завтра же.

Однако прошла неделя, самоед не являлся. Только спустя еще неделю при содействии исправника Кастрену удалось заполучить себе учителя ненецкого языка.

Поселившийся в одной избе с ученым ненец сравнительно сносно знал русский язык, но все же порой учитель и ученик с трудом понимали друг друга.

— Скажи: моя жена больна, — просил Кастрен.

— Твоя жена больна, — немедля отвечал ненец.

— Не твоя, а моя.

— Так я же и говорю: твоя.

— Тогда скажи: твоя жена больна.

— Моя жена здорова, как и я.

— А если бы она заболела, то как бы ты сказал мне об этом на твоём языке?

— Когда я поехал к тебе, она была здорова. А сейчас больна или нет — не знаю...

Но в конце концов Кастрен все-таки добивался своего, и в его тетради появлялась новая запись к грамматике ненецкого языка.

Кастрен работал не зная усталости. Но его учитель тосковал и рвался в тундру, в родной чум. По ночам он уходил из дома и устраивался спать во дворе прямо на снегу.

— Ты живешь со мною ладно, — сказал он однажды своему ученику, — и я люблю тебя, но я не могу жить в доме. Смилуйся и отпусти меня.

Кастрен старался развеять его тоску, он послал за его женой и детьми, и, когда они приехали, ненец немного развеселился.

Комната ученого стала похожа на чум. На полу окруженные оленьими шкурами, ремнями, ножами, коробками сидели муж, жена и дети. Муж занимался с Кастреном, жена шила одежду и изредка вступала в разговор.

Несколько дней все были довольны. Но потом жена ненца стала так часто и глубоко вздыхать, что Кастрен обеспокоился, не заболела ли она. Но женщина заплакала и объяснила, что ей жалко мужа, который должен жить в деревянном доме.

— Мужу твоему не хуже, чем тебе. А тебе разве плохо? — возразил Кастрен.

— Я о себе не думаю. Мне мужа жалко.

Так и пришлось Кастрену отпустить своего учителя со всем его семейством в тундру.

Кастрен собирался уезжать из Неса, но узнал о ненецкой свадьбе, праздновавшейся в тридцати верстах от села, и решил побывать на ней.

Он попал на заключительный пир. Уже были проделаны все полагающиеся по обычаю обряды, выплачен выкуп и невеста привезена в чум жениха.

Еще издали можно было узнать этот чум по окружавшей его пьяной и веселой толпе. Шумные ненцы в малицах окружили Кастрена и, перебивая друг друга и хватаясь за полы его шубы, принялись рассказывать каждый о своем. Отчаявшись понять и переслушать их, он с большим трудом вырвался из тесного кружка и отошел в сторону, где девушки затеяли веселую игру. Но завидев незнакомого человека, они бросились врассыпную.

Тут из чума вышел хозяин — отец жениха — и пригласил нового гостя пить чай.

Пока пили чай, Кастрен внимательно разглядывал гостей и внутренность чума. Он залюбовался невестой, которая была очень молода, почти девочка, и обладала всеми признаками красоты, о которых поется в самоедских песнях. У нее были маленькие блестящие черные глаза и широкое лицо, прямой нос и щеки, красные, как утренняя заря перед непогодой.

После чая хозяин приказал убить оленя. Взяв Кастрена за руку, он подвел его к окровавленной туше и попросил начать обед.

Кастрен мешкал, а нетерпеливые гости, столпившиеся вокруг оленя, вытащили свои длинные ножи и, отрезая по куску теплого дымящегося мяса, с величайшим наслаждением принялись его есть.

Поздней ночью Кастрен вернулся в Нес. А через день быстрые олени мчали его дальше, к Пустозерску.

Зимой Пустозерск лежит среди необозримой снежной равнины, по которой свободно играют вьюги и метели. Вокруг нет ни лесов, ни скал, ни даже камней. Метет здесь почти непрерывно и иной раз так сильно, что срывает крыши с изб, и жители не рискуют выйти из дому за водой и топливом. Всю долгую зиму дома стоят занесенные снегом до самых крыш. Разметать этот снег чрезвычайно трудно, и потому пустозерцы так и живут, погребенные в сугробах, прокопав вокруг изб лишь узкие ходы.

В Пустозерске Кастрен оставался до весны, пока в городок приезжали из тундры самоеды. Но как только их наезды прекратились, он отправился с охотниками в отстоящее на 250 верст к югу от Пустозерска село Усть-Цыльму.

С первых дней пребывания в Усть-Цыльме Кастрен почувствовал на себе тяжесть подозрительной ненависти населяющих село фанатиков-старообрядцев. Несколько богатых мужиков, боясь потерять влияние на односельчан, старались оградить их от всего света и внушить ненависть ко всем соседям-иноверцам.

По селу пошли слухи, что приехавший человек колдун.

Про него говорили, что он, выходя из дому по ночам, бродит по селу, отравляет колодцы, портит поля и обмазывает избы составом, который воспламенится от лучей летнего солнца... Нашлись свидетели, которые видели своими глазами, как он раскопал за деревней снег, и обнаженная земля разверзлась при громе и молнии. Потом из недр земных вышло рогатое чудовище, которое сначала поднялось до облаков, а потом со страшным шумом рухнуло в Печору.

Однажды утром к Кастрену пришел лесничий.

— Сегодня ночью, — взволнованно сказал он, — раскольники держали совет и решили с вами расправиться. Я бы вам посоветовал крепко запереться и не выходить на улицу. Они не остановятся ни перед чем.

День прошел спокойно. Но с наступлением темноты возле избы появились вооруженные ружьями парни. Они дежурили у крыльца всю ночь.

Утром хозяин объяснил, что парни хотели поймать «колдуна» на месте преступления.

Кастрен рассмеялся.

— Теперь они убедились, что я не брожу, как нечистый дух ночами и не сею зла, и, наверное, оставят меня в покое.

— Как знать, — ответил хозяин, — во всяком случае поберегитесь.

— Авось! — махнул рукой Кастрен и ушел на свою обычную прогулку по берегу Печоры.

Когда он возвращался назад, на краю деревни ему преградила дорогу большая толпа. Он несколько мгновений колебался: идти прямо на толпу или повернуть на-

зад. То и другое было одинаково рискованно и опасно, и Кастрен решительно пошел вперед.

По счастью, в нескольких шагах от толпы он заметил узенькую тропинку, ведущую прямо к его избе и, не сбавляя шагу, свернул на нее. Прежде чем кто-нибудь успел опомниться, он быстро поднялся на крыльцо и хлопнул за собой крепкую дверь.

Кастрен послал хозяина за лошадьми и уже через час выехал в Ижемск.

Ему не раз приходилось слышать о гостеприимстве ижемцев, и он был очень удивлен, когда в Ижемске никто не захотел пустить его в дом. Слухи о его «колдовстве» дошли и сюда. Пришлось прибегнуть к помощи чиновника, который силой отвел квартиру у чрезвычайно расстроенных этим обстоятельством хозяев.

В Ижемске Кастрен переждал распутицу и во второй половине июня двинулся дальше. На этот раз его целью была ненецкая деревушка Колва в 400 верстах от Ижемска.

В Колве было всего девять жалких избушек, церковь и дом священника. Кастрен остался в этой деревне до конца лета, поселившись в тесной и сырой избе.

Днем он бродил по деревне, расспрашивая жителей и наблюдая их жизнь, а вечером, спасаясь от духоты, детского крика, комаров и других насекомых, не дававших сосредоточиться на работе, спускался в подпол и там при свече под писк шнырявших под ногами крыс и мышей писал грамматику коми-зырянского языка.

... В ноябре ученый добрался до Обдорска — исходного пункта своего путешествия по заданию Академии наук.

Он был по-настоящему счастлив, очутившись в стране своих мечтаний, на пороге тайн, которые, может быть, ему суждено открыть.

Но тяготы, перенесенные в долгих и трудных странствованиях по тундре, совершенно истощили его силы и расстроили здоровье. Пришлось обратиться к врачу. Тот нашел положение столь тяжелым, что посоветовал Кастрену оставить на время всякие ученые занятия, покинуть Сибирь, возвратиться на родину и серьезно заняться своим здоровьем.

«Сегодня врач произнес надо мной смертный приговор, — писал Кастрен Шегрену. — Легочная чахотка — вот бо-

лезнь, которая съела мозг костей и продолжает уничтожать его с огромной жадностью. И вот я стал разбитым человеком на весне моей жизни...»

В начале 1844 года Кастрен через Тобольк, Верхотурье, Соликамск, Великий Устюг и Петрозаводск вернулся в Финляндию.

ЧТО ЖЕЛАЕТ УЗНАТЬ АКАДЕМИЯ

Думы о Сибирской экспедиции не давали покоя Кастрену. После пяти месяцев лечения врачи разрешили ему вернуться к научной работе, и он стал готовиться к отъезду.

Ранней весной 1845 года Кастрен приехал в Петербург.

В Академии наук Шегрен вручил ему две тетради: одну толстую и другую потоньше.

— Это инструкции, читанные на заседании Академии и утвержденные ею, — сказал Шегрен. — В них перечислено все, что желает узнать Академия в результате вашей экспедиции. Еще могу сообщить, что ваша записка о бедственном положении самоедов и обо всех чинимых им обидах и притеснениях была послана господину министру государственных имуществ.

— И каков результат?

— Господин министр ответил, что он имел уже подобные сведения и не приступал к мерам решительным лишь из-за отсутствия конкретных фактов, а после вашей записки поручил одному чиновнику своего министерства посетить край самоедов и сделать предположения об устройстве этого народа на будущее время во всех отношениях.

Кастрен криво усмехнулся.

— Ну, что ж, под министерское сукно ляжет еще один прожект.

— Весьма возможно...

В гостинице Кастрен раскрыл толстую тетрадь, полученную от Шегрена, и принялся за чтение.

Он читал, пропуская многословные рассуждения и выбирая самую суть.

«Общая инструкция г. Кастрену по поводу поручения ему Академиею исследования Северной и Средней Азии в этнографическом и лингвистическом отношениях, составленная академиком г. Шегреном.

По первоначальному предположению Сибирской экспедиции, вообще в связи с прежними исследованиями г. Кастрена, самоедское племя и распространение оногo в Сибири имеют быть главным предметом его деятельности.

Сперва он из настоящего своего местопребывания — Обдорска — объездит окрестности сего города и Березовский округ для тщательных изысканий относительно этнографии и лингвистики проживающих там самоедов. Тут он, сверх того, имеет случай ознакомиться с народом осяками, кочующими вслед за самоедами. Таким образом, он будет в состоянии узнать и судить о существующей в самом деле смеси сих двух народов и основательно объяснить могущие встречаться ошибки в означении того или другого и происходящие от того недоразумения.

На предложенное прежними исследователями этнографическо-лингвистическое разделение родов отнюдь нельзя полагаться, и потому поручается г. Кастрену составить со временем лучшее и вернейшее распределение.

По этой причине определение его путешествия и выбор главных точек его временного пребывания должны преимущественно зависеть от известий, которые г. Кастрен получит на месте от сведущих лиц.

Г. Кастрену поручается все народы, именуемые нео-пределенным названием осяков, на пространстве между Енисеем на восток и Обью на запад точно исследовать в этнографическом и лингвистическом отношениях, проверить и исправить существующие доселе разные мнения насчет их происхождения и языка.

Кочующие на восток от Енисея тунгусы и принадлежащие к ним чапогиры могут оставаться вне его настоящего круга действий, частью для того, чтобы ему не слишком приходилось раздроблять свою деятельность, частью же потому, что они еще находятся в несравненно большем числе, чем ныне уже весьма слабые остатки других более западных первобытных жителей Сибири, в отношении которых не должно упускать время, чтобы ныне спасти об них сколько можно сведений.

Поспешность, с которой надлежит исследовать некоторые исчезающие роды, в высшей степени относится до южной части Енисейской губернии, где в течение нынешнего столетия, как мы уже видели, два народа — асаны и коты — совершенно исчезли. Теперь легко может быть, что исчез и третий народ — маторы...

Академия желает, чтобы г. Кастрен избрал главным предметом своей деятельности изучение языков и значительнейших наречий всех народов, кочующих на помянутых выше пространствах. Для чего недостаточно будет составлять, как бы мимоходом, скудные собрания слов, как это делалось доньше, отчего и нельзя было дойти до определения и должно было довольствоваться противоречащими друг другу предположениями; он, напротив того, должен стараться приобрести возможно полное понятие о всем внутреннем составе языков, основываясь на их звуках, словоизменениях и законах словосочетания.

Где есть народные песни, там г. Кастрену поручается заняться их записыванием и собиранием, потому что они составляют, так сказать, единственную, хотя и неписьменную литературу необразованных народов, и, кроме того, в историческом отношении имеют большую цену.

По тем же причинам особенно важны и поговорки; далее — названия, которые употребляют эти народы для себя и для своих соседей, по мере географических своих названий в сравнении с русскими.

Притом г. Кастрен по возможности соберет надежные сведения о местных названиях стран и находящихся в них всякого рода поселений, как-то: городов, местечек, селений, также гор, рек, ручьев, озер; об их явлениях, положении, величине, направлении и связи; таким образом, ему возможно будет пополнить и обогатить в то же время и географическо-топографические сведения об этих столь мало еще поныне известных местах.

Сюда же принадлежат и общие известия о климате и зависящих от оного условиях растительности, например: об обыкновенном изменении времен года, о вскрытии и замерзании рек и озер, о произрастании хлебов и других употребительных растений.

В отношении историческом г. Кастрен должен обращать внимание на встречаемые еще между самими народами предания о их происхождении и древности. Г. Кастрену вменяется в обязанность тщательно собирать известия о надписях, высеченных на надгробных камнях и на скалах, отыскивать их и снимать с них верные снимки.

Разумеется, что именно продолжительное его пребывание в одной и той же стране и постоянное общение с ее первобытными обитателями, обуславливаемое его главным занятием — лингвистическими исследованиями, много

будет способствовать ему к исполнению вообще желаний Академии, и в особенности относительно древностей и истории, и вместе с тем эти самые обстоятельства представляют ему возможность наилучшим образом достигнуть этнографической цели. Продолжительные сношения его с туземными народами облегчат ему совершенно познание их телесного сложения, быта, одежд, обрядов и обычаев, степени образования и мнений в отношении веры, как вообще всего, что может способствовать к определению этих народов во всех его особенностях.

... Таким образом, я в общих чертах, кажется, достаточно обозначил весь объем будущего круга действий г. Кастрена на три года.

Период этот в сравнении с обширными пространствами, которые он принужден будет объездить, и с способом, по которому он будет производить свои исследования, можно считать скорее недостаточным, чем слишком великим...»

ДАЖЕ КЛАПРОТУ НЕЛЬЗЯ ВЕРИТЬ

В середине марта, простившись с друзьями, Кастрен выехал из Петербурга. На этот раз его спутником и товарищем в экспедиции был студент Бергстади.

Едва легкие сани, запряженные тройкой коней, миновали Московскую заставу, как началась метель. Вокруг простиралась однообразная равнина. Кое-где из-под стаявшего снега темно-бурыми пятнами проглядывала земля. Снег вился в воздухе, мокрые снежные комья летели из-под копыт лошадей.

Так началось второе путешествие Кастрена.

К концу мая через Москву, Казань, Пермь, Тюмень он добрался до Тобольска, в котором задержался на полторы недели. Опыт убедил Кастрена, что успех путешествия часто зависит от верного направления, принятого в самом начале, и поэтому он не жалел времени на обдумывание маршрута. Кастрен разделил всю область предстоящего путешествия на три части: на северную, где главным объектом исследования будут самоедские племена, на среднюю — остяцкую, и южную — монголо-татарскую.

Во время прежнего путешествия Кастрен проследил самоедское население от Мезени по Канинской, Тиманской

и Большеземельской тундрам и через Урал до Обдорскá. Дальнейший маршрут исследования самоедов должен был начаться от Обдорска к Надымской губе, оттуда к Тазу и далее к Енисею. Но на этом пути Кастрену пришлось бы встретить племена, которые одними учеными принимаются за самоедские, другими за остяцкие. Самоеды они или остяки, или смесь этих двух народов — этого нельзя было решить без знания остяцкого языка и остяцкой культуры.

Лето 1845 года Кастрен решил посвятить изучению живущих по Иртышу и Оби остяков (хантов).

В начале июня Кастрен и Бергстади выехали из Тобольска, держа путь по лесному Березовскому тракту в Бронникову, там они сложили свои пожитки в небольшую лодку и поплыли вниз по Иртышу.

В остяцком селении Цингалинские юрты сделали первую остановку.

Печальная деревня гляделась в широко разлившуюся гладь Иртыша. Укрепленные заплатами и окруженные подпорками, черные, ползасыпанные землей дома, называемые здесь юртами, стояли в полнейшем беспорядке. Кое-где среди бревенчатых срубов виднелись белые с торчащими вверх сучкастыми жердями берестяные шалаши.

Два стоявших на берегу остяка равнодушно и хмуро смотрели на подплывшую лодку.

— Они не очень гостеприимны, — сказал Бергстади.

— Как-нибудь поладим, — отозвался Кастрен, жестом подозвал остяков и попросил отнести вещи в деревню. Остяки молчаливо взяли за мешки и ящики.

Первой заботой Кастрена было найти знающего русский язык остяка, который смог бы быть его учителем и переводчиком. Он знал по прежнему опыту, что найти такого человека чрезвычайно трудно, так как остяки очень неохотно сообщают иноземцам сведения о своем языке.

— Мне нужен человек, который научил бы меня вашему языку, — сказал Кастрен молодому остяку, хозяину дома, в котором старшина поселил их с Бергстади.

— Нет-нет! — замахал тот руками, — у нас такого человека ты не найдешь!

— Я хорошо буду платить.

— Все равно не найдешь, — ответил хозяин и, заторопившись, быстро вышел из избы.

Прошел день, другой, а переводчика не находилось. Кастрен бродил по деревне, разговаривая с мужчинами и

заглядывая в юрты. Остяки перестали его дичиться, но обучать своему языку ни один из них все же не соглашался.

Наутро третьего дня Кастрен проснулся в плохом настроении. «Неужели придется прибегнуть к помощи начальства?» — с тоской думал он, глядя на улицу через щелку забитого щепой окна. И вдруг он быстро повернулся.

— Что это за люди идут по улице? — спросил он хозяина. — Я еще их не видел в Цингалинске.

— Они приехали из другой деревни.

— Что они здесь делают? Может быть, я среди них найду наконец учителя.

— Они не будут тебя учить, — ответил хозяин.

— А ты откуда знаешь?

— Они сказали.

У Кастрена мелькнула не совсем ясная, но вполне правдоподобная догадка, что приезд остяков в чужую деревню в неурочное время может иметь какое-то отношение к его пребыванию здесь, слова хозяина тоже вызывали подозрение.

Нельзя было терять ни минуты. Если сейчас упустить момент, то приехавшие остяки разнесут весть о приезде иноземцев, желающих знать остяцкий язык, и это известие, дополняемое невероятными вымыслами и тревожными предостережениями, облетит весь край и очень помешает путешественникам в изучении остяков.

Кастрен быстро вышел на улицу. Незнакомые остяки скрылись в одной из юрт. Он пошел за ними.

Споткнувшись на полусгнившем крыльце и больно стукнувшись лбом о верхнюю притолоку низкой двери, он ввалился в юрту. Наступила настороженная тишина. Прошло несколько секунд, прежде чем его глаза, освоившись в полутьме, стали что-то различать.

Слабый дневной свет проникал в юрту через четыре окна, в которые было вставлено по маленькому осколку стекла, остальная часть рамы была забита дощечками, корой, заклеена пузырем и бумагой.

Все находившееся в юрте имело какой-то особенный поразительный серый цвет: серы были растрескавшиеся стены, низко нависший потолок, кривой, опустившийся по углам пол, столы, печь, стоящие вдоль стен лавки и фигуры остяков в рваных по летнему времени ма-лицах.

Остяки молчали, со страхом поглядывая на чужого человека. Но чужой человек не кричал, не грозил, ничего не требовал, и страх мало-помалу рассеялся и сменился любопытством.

Кастрен сел на лавку, неторопливо достал вместительный кисет, набил свою трубку, оделил табаком всех присутствующих, и по юрте поплыл душистый мирный дымок.

Ученый долго разговаривал с остяками. В конце концов ему удалось убедить их, и после недолгого совета старик остяк сказал:

— Мы верим, что ты не причинишь нам зла, и дадим тебе учителя нашего языка.

Четыре недели Кастрен прожил в Цингалинских юртах, изучая остяцкий язык.

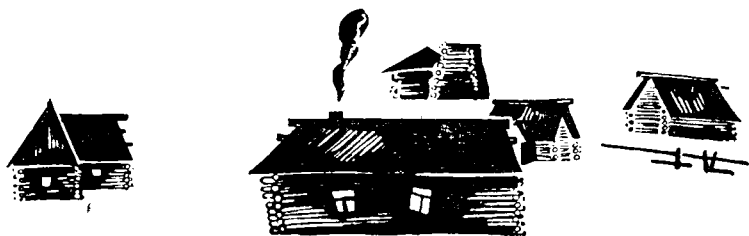
А в конце августа, называемом остяками месяцем «когда надо городить большие сырпы»*, когда остяки и самоеды, живущие по Оби и Иртышу, обычно съезжались на большую ярмарку в деревню Силярскую, он уехал из Цингалинска.

По пути в Самаровой он узнал, что самоедов на ярмарке в Силярской не будет, так как, спасаясь от наводнения, они ушли в дальние леса, да и сама деревня, в которой бывает ярмарка, вместе со всеми лавками и кабаками залита весенней водой.

— Ну, а уж если вам там так нужны самоеды,—

* Сырп — сеть особого устройства.

сказал кто-то, видя, как огорчился Кастрен, — то есть тут у нас один в деревне Топорковой, в рабочих живет. Это малость в сторону от дороги из Самаровой в Силярское.

На следующий день Кастрен был в Топорковой.

— Да нет у нас, ваше благородие, никакого самоеда, — отнекивался староста деревни. — По злобе, видать, показали на нас.

— Может, господину про Ваську сказывали? — вступила в разговор жена старосты.

— Какой же он самоед? Ведь он русскую рубашку носит, — возразил ей муж.

— Позови Ваську, — приказал Кастрен.

И Васька явился. Он был маленький, черноволосый и, к удивлению старосты, действительно оказался самоедом и самоедский язык почитал своим родным языком.

Увидев, как обрадовался приезжий, староста сказал:

— Таких самоедов, ваше благородие, у нас в деревне еще с десяток наберется.

— Так давай их сюда!

Сначала Кастрен думал, что самоеды, обнаруженные в Топорковой, пришлые, неудачники, которых обстоятельства заставили покинуть тундру и искать счастья в русской деревне. Но самоеды утверждали, что они с давних времен живут на Оби и составляют особое племя. Это племя когда-то было многочисленно, а сейчас осталось от него восемь семейств, кочующих по берегам небольших рек, впадающих в Обь недалеко от Топорковой. И Кастрен принялся за поиски самоедских племен по берегам Оби.

В том году весенний разлив был особенно силен. Среди широкой безбрежной водной поверхности лишь кое-где виднелись полузатопленные деревни и небольшие острова. Целый месяц Кастрен разъезжал по Оби от Самаровой до Силярского. В пути его не раз захватывал проливной

дождь и жестокий град, донимали ночные холода и сырые удушливые туманы, поднимавшиеся из болотистой, покрытой илом почвы; однажды унесло лодку, и он целую неделю просидел на островке, отрезанный от всего мира.

Но зато поиски увенчались успехом. Ему удалось обнаружить два самоедских племени, кочующих по Лямину Сору и верхнему Назыму. Правда, их язык значительно отличался от языка других самоедов, но это был, несомненно, самоедский язык.

Из Сургута Кастрен предполагал пробраться вниз по Ваху и Тазу, к Енисею, но, по словам местных жителей, этот путь был непроходим и поэтому пришлось продолжать плыть вверх по Оби к Нарыму. Кастрена предупредили, что почти на всем восьмисотверстном пути до Нарыма ему встретится лишь несколько остяцких селений, и посоветовали запастись всем необходимым в Сургуте.

...Потянулись однообразные и скучные берега: глина, песок, луга и болота, поросшие жесткой осокой или непроницаемым раkitником. Дождь часто загонял путников с палубы в каюту.

Каюта на лодке была устроена так, что, забравшись в нее ползком, в ней можно было только лежать. В каюте стоял постоянный мрак, свет проникал туда только через мачтовое отверстие. Ящик заменял стол, самовар — печку. Правда, сургутский смотритель магазинов, провожавший Кастрена, заметил, что во всяком случае по сравнению с бочкой Диогена — «одного из лучших философов в мире» — каюта — прекрасное жилище.

Прежние исследователи Сибири единогласно утверждали, что окрестности Нарыма заселены осяками. Это же утверждал и самый авторитетный знаток, автор «Азиатского полиглота» — энциклопедического труда по языкам Сибири, немецкий ученый Клапрот. Но каково было удивление Кастрена, когда он не встретил там ни одного осяка, зато одно за другим попадались селения самоедов. Это были селькупы, по хозяйству, быту и культуре близкие к своим соседям осякам-хантам и поэтому принимавшиеся за осяков.

— Из этого явствует, — довольно потирая руки, сказал Кастрен своему спутнику, — как мало можно полагаться даже на Клапрота.

Радость Кастрена была оправдана: то, что ему удалось обнаружить на верхней Оби самоедское население, было

для него очень важно. «Между прочим, благодаря нескольким малочисленным самоедским племенам, которые оставались до сих пор неизвестными и на которых я неожиданно наткнулся на верхней Оби, алтайское происхождение финнов приобрело математическую достоверность,— писал Кастрен.— Вследствие этого открытия теперь можно проследить почти непрерывающуюся цепь самоедской семьи народов от Архангельска и Мезени вплоть до прибайкальской страны... Язык новооткрытых самоедов обнаруживает встречающимися в нем изменениями звуков и другими особенностями такое близкое сродство между финским и самоедским, что если последний и нельзя считать членом финского корня, то во всяком случае нельзя не признать языком, находящимся в ближайшем сродстве с финским. Из этого следует, что оба народа должны иметь общую точку исхода: а что этою точкою может быть только Алтай — это доказывается еще и некоторыми другими фактами.

В продолжение лета я несколько ознакомился с татарским языком и открыл, что финский и татарский языки не только в грамматическом отношении, но и множеством слов обнаруживают такое важное сходство, что близкое родство их не может подлежать никакому сомнению. А татары, как известно, принадлежат также к числу древнейших алтайских народов, равно как и монголы, которых в последнее время начали считать отраслью тюркского племени, имеющей и по языку сходство с турками и татарами. Следовательно, и этот путь приводит нас к Алтаю, как к первоначальному отечеству финнов.

К этому присоединяется еще и то, что остяки, составляющие несомненную ветвь финского племени, распространены почти до помянутого хребта.

Наконец, нельзя также не заметить, что многие названия мест в Алтайских странах финского происхождения.

Так как все вышеприведенное невольно приводит меня к предположению, что наш язык и наша древнейшая история находятся в самой тесной связи с языком и с историей татар и монголов, а может быть, и тибетян и китайцев, то со временем, если бог пошлет мне здоровья и сил, я думаю обратить свои исследования и на этот предмет».

Не впервые пришла Кастрену мысль о расширении области исследований. Обоснование теории Саянского про-

исхождения угро-финских народов требовало обращения к языкам всех народов, населяющих Алтай. Необычайная честность Кастрена в научных вопросах и отсутствие нужного материала в научной литературе того времени вынуждали его заняться самостоятельным сбором материала.

Перед ним был выбор: или отказаться от всестороннего доказательства своей теории, или проделать самому грандиозную работу. Кастрен выбрал второе. Кроме самодийских племен, он включил в программу исследований тюрков — татар и тунгусов, монголов — бурят и другие племена по Оби и Енисею.

Расширилась область исследований, усилилась напряженность работы. Кастрен не щадил себя.

ДРУЗЬЯ МОИ — САМОЕДЫ

Только в Томске Кастрену удалось засесть за очередной путевой отчет.

Он начал этот отчет с просьбы извинить его молчание в течение целых трех месяцев. «Это произошло оттого, — объяснял Кастрен, — что все это время я находился постоянно почти в совершенной разобщенности.

Я уже говорил в последнем письме, что так называемые остяки Томской губернии отнюдь не остяки и не особенное, как полагает Клапрот, племя, происходящее от смешения остяков с самоедами, а настоящие самоеды, распространившиеся от Тыма до Чулыма.

По мере сил я изучил их наречия. Изучал же я их и в городе Нарыме, и в селах Тогуре и Молчанове».

В нескольких верстах за Молчановом пропадали всякие следы самоедов, и дальше начинались татарские селения. Поэтому, пока не наступила распутица, Кастрен и Бергстади, не задерживаясь в Томске, выехали в Енисейск.

Весенняя, местами обледенелая, местами обнажившаяся дорога была ужасна. Сани мотало из стороны в сторону. Ямщики охрипли от ругани. Встречались длинные обозы, этапы каторжников и ссыльных. И на всем пути почти у каждого верстового столба чернели печальные кресты, нагоняя на проезжающих тоску.

Кастрен приехал в Енисейск усталый и разбитый.

В Енисейске ему посоветовали поговорить с одним священником, который много лет служил в самоедской церкви.

Священник обрадовался гостю. Он оказался недалеким, но добродушным и разговорчивым стариком.

За чаем завязалась беседа.

— После этой поездки я себя чувствую так, словно меня били палками, — морщась и потирая бока, говорил Кастрен.

— Да, да — ужасная дорога! — сочувствовал священник.

— Если бы я не был уже закоснелым букво- и словесом, то, ей-богу, решительно ударился бы в изучение искусства спокойно развезжать на воздушном шаре.

— Между прочим, самоеды и остяки рассказывают, что их предки некогда летали верхом на орлах, — с улыбкой заметил священник.

— А вам не приходилось слышать от самоедов легенду о переселении на небо Уриера? Вот у меня тут есть запись одного варианта, — и Кастрен, достав тетрадь, начал читать:

«Жил в старину тадибей, по прозванию Уриер. И был он тадибей над тадибеями, мудрец над мудрецами, такой знахарь, каких теперь уже и не бывает. Жил он, жил, и наконец жизнь на земле наскучила ему. «На земле, — сказал он, — жить становится все хуже и хуже, мох с каждым годом уменьшается, зверь попадается реже, а воровство и всякий обман растут. Не хочу я жить долее на этой жалкой земле, поищу себе счастья на небе».

— Как же, слышал, — торопливо ответил священник, когда Кастрен прервал чтение. — Между прочим, самоеды и сейчас верят в переселение на небо. Пропадет без вести какой-нибудь дурной человек или преступник, все уверены, что его сожрал где-нибудь в тундре медведь. А случись такое с хорошим человеком — самоед сразу говорит: «Он, как Уриер, уехал на оленях на небо». Как-то рассказывал я самоедам о взятии на небеса пророка Ильи. Слушали они меня, не совру, весьма равнодушно. А когда я кончил, один самоед говорит: «Да, бывает. Вот и мой брат три месяца тому назад уехал на небо». Вот как!

За разговором незаметно прошел вечер.

Уже провожая распрощавшегося гостя, священник спросил:

— Куда же теперь лежит ваш путь?

— Теперь мне надобно исследовать енисейских самоедов.

— Тогда вам хорошо бы побывать на Туруханской ярмарке в начале июля. В это время их туда съезжается великое множество. Бывают даже с берегов Таза.

До июля, и значит, до Туруханской ярмарки, оставалось более трех месяцев. Это время Кастрен решил использовать для поездки в верховья Кети, в русскую деревню Маковскую, находящуюся в сотне верст на запад от Енисейска. Там, в глухой деревушке, окруженной со всех сторон дремучими лесами, он надеялся отыскать продолжение следов обских самоедов-селькупов.

Бергстади остался в Енисейске, чтобы заняться изучением языка енисейских остяков (кетов), а Кастрену предстояло разрешить спор о натско-пумпокольских осяках, которых Клапрот причислял к осякам, а Красноярский губернатор Степанов считал самоедами. Сам Кастрен склонялся к мнению Степанова, но для полной уверенности ему было необходимо ознакомиться самому с языком этого племени.

На карте были обозначены деревни Натск и Пумпокольск. В действительности их не оказалось, больше того: местные жители никогда не слышали таких названий, а слова Пумпокольск даже не могли выговорить.

В Маковской сельский староста привел к Кастрену осяка, которого отыскиали в лесу. По нескольким первым же сказанным им фразам ученый убедился, что список осяцких слов, данный Клапротом как образец натско-пумпокольского наречия, совершенно фантастичен и что по языку натско-пумпокольские осяки мало чем отличаются от самоедов-селькупов; осяками их называли просто по недоразумению. Три недели Кастрен был занят изучением нового самоедского наречия. Это был последний этап его исследований в бассейне Оби, и в начале мая он вернулся в Енисейск.

Ознакомившись с материалами, собранными Бергстади по Енисею и в деревне Анцыферовой, Кастрен пришел к выводу, что язык, обследованный Бергстади, хотя и называется осяцким, но принадлежит совершенно иному племени, причем вовсе не самоедскому. Кастрен высказал предположение, что енисейские осяки являются «последними остатками некогда многочисленного и могущественного племени».

Он был прав: кеты (таково современное научное название енисейских осяков), насчитывающие в настоя-

щее время немногим более тысячи человек,— это остатки группы древних народов эпохи заселения Америки из Сибири.

Кастрен установил лишь сам факт того, что язык енисейских остяков — кетов не принадлежит ни к угорской, ни к самоедской группам, но от более детального исследования вынужден был отказаться, «так как подробное исследование его,— с сожалением писал он,— потребовало бы больше времени, нежели сколько я могу уделить на это из назначенных мне трех лет».

* *

*

30 мая по очистившемуся ото льда Енисею в небольшой открытой лодке Кастрен и Бергстади начали свой путь в Туруханск.

О Туруханске Красноярский губернатор Степанов в своем обозрении губернии писал: «Дурной воздух летом, гнилая вода, плоское местоположение, ветхие строения, отдаленность от населенных мест делают Туруханск одним из неприятнейших поселений».

— Кажется, путешествие в Туруханск стоит путешествия в Похьелу*, — пожившись, сказал Бергстади, наслушавшись рассказов об ужасах Туруханского края.

— Что ж, — ответил ему Кастрен, — еще Лемминкяйнен** говорил: «Умирать ведь только раз».

Когда Кастрен и Бергстади приехали в Туруханск, ярмарка уже началась.

Ярмарка в Туруханске небольшая и небогатая. Собственно, впечатление оживления на двух грязных улицах этого «города» создавали толпы самоедов, енисейских остяков-кетов и тунгусов, собирающихся в это время сюда для уплаты податей. Они приходили целым родом или племенем во главе с князьями. Все князья сочли своим долгом посетить приезжих из России. Они спрашивали о здоровье его императорского величества, интересовались, получил ли он прошлогоднюю подать и доволен ли ею.

Один остяцкий князь, который считал себя особенно угодным царю, так как ежегодно сверх положенной подати

* Похьела — в финском эпосе «Калевала» — страна мрака, людоедов и ведьм.

** Лемминкяйнен — герой, сражавшийся против черных сил Похьелы.

посылал ему в подарок черно-бурую лисицу, принялся выспрашивать Кастрена о его чинах и звании. Кастрен отвечал довольно неопределенно и уклончиво. Но князь все же понял, что приезжий не второй, не третий и даже не пятый после царя человек в государстве. Поэтому, решив, что на лестнице чинов он сам стоит выше приезжего, потребовал, чтобы Кастрен поцеловал у него руку. Впрочем, вскоре князь удовлетворился тем, что они с Кастреном выпили за здоровье князя по стакану вина, которое Кастрен достал из своих запасов.

Работа в Туруханске предстояла большая и напряженная. Нужно было за довольно короткое время изучить наречия окрестных самоедов-селькупов. Некоторые роды жили по отдаленным и недоступным рекам, так что их приезд в город был единственной возможностью ознакомиться с их языком.

Местное начальство всех вновь прибывавших самоедов под присмотром казака направляло к Кастрену.

В его дворе очень часто можно было видеть толпу расстроенных и возмущенных самоедов, одетых в вытертые, висящие лохмотьями шубы. Глубоко ввалившиеся глаза и сильно выдающиеся скулы наглядно свидетельствовали, что нужда и голод являются постоянными спутниками жизни этих людей.

Самоеды просили их отпустить: ведь если они сейчас будут сидеть в городе, то зимой им с женами и детьми придется умирать с голоду.

У Кастрена не хватало духу их задерживать, и в те дни, когда их чумы стояли за городом, он посещал их сам и старался сделать как можно больше записей.

Иной раз он раздражался непонятливостью своих случайных учителей. Но потом сам не рад был своей вспыльчивости и старался скорее загладить вину.

Одному самоеду он подарил топор. Это был такой редкий и драгоценный подарок, что самоед совершенно растерялся и, не зная, как выразить свою благодарность, в отчаянии принялся креститься на щедрого барина, как на икону.

Однако Кастрен не часто мог позволить себе делать подарки самоедам, у него кончились деньги, а Академия медлила с присылкой очередного жалованья. Деньги пришли, когда у него в кармане оставался один последний рубль.

«Я так обрадовался, — писал Кастрен, — что не мог ни есть, ни работать, купил тотчас для друзей моих — самоедов водки и табаку, подарил им топоров и тетив, и день этот, будничный для других, для нас сделался праздничным».

Весь июль Кастрен задыхался от жары в Туруханске, проводя время по большей части в самоедских юртах за городом. В начале августа, когда комары пропадают, сменяясь мошкой, а резкие северные ветры охлаждают воздух и редкий солнечный день обыкновенно служит предвестником грозы и непогоды, он тронулся в путь дальше вниз по Енисею, вслед за уходящими из города самоедами. Близ Карасинского зимовья он намеревался ознакомиться с жизнью карасинских самоедов* в их собственных жилищах, у Плахинского — изучить наречие самоедов-юраков** и в Дудинке и Толстом Носе заняться самоедами племени тавги***.

Ниже Туруханска Енисей утрачивает свою прежнюю быстроту. Здесь к мачте или к носу лодки на длинной веревке привязывают от четырех до восьми собак, один из лодочников гонит их по берегу, и лодка еле тащится, то и дело прибываясь к берегу.

Счастье, если с утра до вечера удавалось сделать верст двадцать, но такие дни выпадали редко. Чаше дождь и ветер настолько затрудняли плавание, что за весь день проплывали верст десять, а то и пять. Кастрен вдоволь налюбовался тянущимися по берегам раkitником и ельником, сохранившимися от весеннего разлива, ледяными сугробами, бесчисленными стаями лебедей, гусей и уток, которые с тоскливым криком, чуя близящуюся непогоду, улетали из тундры. Иногда попадалось зимовье, избушка, в которой мыкал горе какой-нибудь бедняга-ссылный, или берестяная юрта тунгуса, остяка или самоеда.

Узнав в Плахиной, что невдалеке князь тазовских самоедов-юраков разбил летние юрты, чтобы по древнему обычаю ловить рыбу в Енисее, Кастрен пошел в стойбище.

Обтянутые оленьими шкурами чумы блестели в лучах заходящего солнца. Из верхних отверстий чумов поднимался розовый дым.

* Современное название — энцы.

** Современное название — ненцы.

*** Современное название — иганасаны.

Стойбище было безлюдно.

И вдруг Кастрен услышал мужской голос. В одном из чумов кто-то тихо пел.

Красавица!
Будь моей женою.
Я бы взял тебя замуж,
Да беден я.
Ты — красавица из красавиц!
Если бы ты пошла за меня,
В свой чум я взял бы тебя,
На трех бы оленях ездила ты,
На белых оленях ездила бы ты...
Ааааа...

Дальше невидимый певец продолжал тянуть одну мелодию.

— Эй! — крикнул Кастрен.

Из чума вышел молодой самоед с недоструганной стрелой в руке.

— Здравствуй, друг! Где все люди из стойбища?

— На реке.

— Спой мне еще раз твою песню.

— Я не помню ее. Я пел, что было на сердце. Я спою тебе другую. Свадебную, веселую.

Кастрен кивнул головой. Самоед запел.

Послушай меня, брат.
Дочь мою отдал я твоему сыну,
И уже не возьму ее назад.
Смотри, уже варится на огне голова оленя.
Уже нельзя повернуть назад.
Мы на всю нашу жизнь стали родными.
Прошу, не будьте строги к нашей дочери.
Я учил ее жить с мужем в ладу,
И слушаться его.
Мы уезжаем домой,
А ты, наша дочь,
Не смотри нам вослед и не плачь.
Я отдал тебя твоему мужу.
Прощай.

* *

*

Кастрен прожил в Плахойке среди юраков почти три недели и потом вместе с ними прошел до Хантайки. Тут он оставил юраков и направился в Дудинку к нганасанам.

Зимовье Дудинка состояло из четырех домов, и поэтому Кастрену и Бергстади пришлось поселиться в старом са-

рае. Превращение сарая в жилой дом закончилось на том, что наскоро сложили печь, хозяйка обмазала стены глиной, а хозяин принес два десятка икон.

Но иконы и глина оказались плохой защитой против суровых ветров, проникающих сквозь пол и стены. Печь при каждой топке наполняла сарай дымом.

Первые дни Кастрен пытался писать у окна, в которое была вставлена решетка из лучинок с вмазанными в нее мелкими кусочками стекла, а с наступлением холодов он, по местному обыкновению, заменил решетку ледяной пластиной, которая пропускала света гораздо больше, чем решетка, и дуло из окна при таком «стекле» меньше. Но большую часть времени все же приходилось работать при дрожащем свете свечей, задуваемых гуляющим по сараю ветром.

У Бергстади началась цинга. Еще печальнее и неприятнее стал казаться сарай. Окна завесили рогожами, печь топилась почти все время. Под потолком стоял тяжелый дым, по полу гулял ветер и только у самой печки ощущалось исходящее от нее тепло.

Вечерами после дня работы Кастрен и Бергстади, закутавшись в шубы, садились у открытой печи и, глядя в огонь, разговаривали.

— Сродство финского племени с самоедским достаточно доказано уже нашим путешествием, — сказал однажды Кастрен. — Вообще языки финский и самоедский представляют много общего, и покуда я еще не знаю ни одного языка в мире, от которого финская филология могла бы ожидать столько помощи, как именно от самоедского. А далее...

— Что далее?

— Далее, судя по всему, получается, что и финны, и самоеды — находятся в родстве с монголами. Мне очень хочется доказать это. Но для этого, разумеется, нужны труд и время. Весьма вероятно, что моей жизни на это не хватит. Но я верю в успех.

— А ты помнишь, как возмущался тот барон в Куопио тем, что лопари и самоеды наши кровные родственники?

— Да, к сожалению, тщеславие очень распространенный порок. Оно-то и заставляло наших ученых соотечественников искать нашу колыбель в Греции или в обетованной земле. Но все же нам приходится раз и навсегда отказаться от родства с эллинами, с десятью коленами

Израиля и вообще с великими привилегированными народами и мало-помалу свыкаться с мыслью, что мы потомки монголов.

— А все-таки жаль...

— Что касается собственно меня, то я не придаю особой важности знатым предкам и даже более расположен к людям, у которых отцы были мельниками, каменщиками, чулочниками, и потому я бесконечно рад, что с каждым днем нахожу все более сходства между финскими и сибирскими языками.

К концу второго месяца Кастрен заболел.

Однажды он вдруг почувствовал головокружение, головную боль и тошноту. В надежде, что припадок пройдет, он велел самоеду, с которым в это время занимался, налить трубку, закурить и подождать.

Трубка была давно выкурена, а Кастрену становилось все хуже и хуже. Он потерял сознание и пришел в себя только через четыре часа...

А тут еще подстерегала цинга. Местные жители спасались от цинги тем, что ели сырую рыбу. Кастрен же никак не мог привыкнуть к сырой пище, да и не верил в целебную силу рыбы. Он боролся с цингой ежедневными дальними прогулками за деревней.

Может быть, действительно прогулки были полезны для здоровья, но и в Дудинке они стали возбуждать те же самые подозрения, что и в Усть-Цыльме: что это человек без крайней нужды бродит по тундре, не иначе, как занят с нечистым...

Из Дудинки Кастрен и Бергстади поехали дальше, в Толстый Нос. На пути они остановились в маленькой избушке, называемой зимовьем Замыловой. Хозяин, ее семидесятилетний старик, оказался сам с Хатанги, и Кастрен попросил его рассказать о тех краях.

Пока старик рассказывал, изба наполнилась молчаливыми самоедами. Они стояли около стен, у двери и хмуро разглядывали Кастрена.

— Что вам надо?—спросил Кастрен.

— Мы пришли сказать тебе, ваше благородие, про свое горе.

— Про какое горе?

Самоеды уселись на пол, закурили трубки и, перебывая один другого, принялись жаловаться Кастрену на казака—смотрителя магазинов с Толстого Носа.

Уже несколько лет они не могут расплатиться за муку, взятую в магазине, и зритель грозитя всех их послать на золотые прииски отрабатывать долг.

— Если уж все равно помирать нам в неволе, так, решили мы, лучше умрем сами, чтоб по крайней мере лечь в стране отцов своих,— обреченно сказал один самоед.

Кастрен успокоил самоедов и убедил их отказаться от массового самоубийства. Они ушли утешенные, а сам он не мог уснуть всю ночь... Он знал, что теперь, когда об этом стало известно постороннему человеку, зритель, конечно, не решится исполнить свою угрозу, являющуюся откровенным беззаконием. Но каждый случай возмутительного произвола, царившего на Севере, неизменно вызывал у Кастрена взрыв гнева. Правда, все его многочисленные жалобы, высказываемые чиновникам, записки, отправляемые в адрес правительства, оставались без видимых последствий, но он не мог оставаться равнодушным к печальной участи самоедов и продолжал жаловаться, возмущаться, писал, доказывал, хлопотал...

* *
*

Уже четвертый месяц Кастрен и Бергстади разъезжали по тундре. В половине ноября солнце исчезло и с этого времени давало о себе знать только слабым красноватым отблеском на горизонте. Зато даже в полдень можно было видеть, как гуляет по небосклону бледный и мрачный месяц.

Днем тундры тонули в сером тумане, который исчезал с наступлением вечера. И тогда месяц, звезды и вспыхивающее северное сияние освещали необозримые снежные поля волшебным блеском. Сместились привычные понятия о дне и ночи.

Все чаще Кастрен вспоминал о Туруханске, где ежедневно светит солнце, где есть несколько домов со стеклами в окнах и где можно в комнате писать при дневном свете.

В Хантайке Кастрен окончил свое исследование енисейско-самоедских наречий Туруханского полярного края и начал обратный путь в Енисейск.

ВО ИМЯ НАУКИ

В Енисейск Кастрен вернулся в первые дни апреля 1847 года — почти год провел он в путешествии по Енисейскому Северу.

Исполнен второй пункт намеченного еще в Тобольске плана исследований. Теперь были изучены все самоедские племена от Мезени до Енисея. Если раньше родство финских и самоедских языков было только догадкой, то теперь оно стало научным фактом. Кастрен собрал богатейшие материалы по самоедским языкам и для широко задуманного труда по этнографии самоедов.

Наступила очередь третьего, заключительного, этапа путешествия.

«Наконец, я снова дышу воздухом Енисейска,— писал Кастрен Шегрену,— но дышу гораздо труднее прежнего. Горловые и грудные недуги, приобретенные под туруханским небом, развиваются под енисейским как нельзя лучше — может быть, вследствие самой природы их, а может быть, и от содействия суровости климата, плохого жилья и чрезмерных занятий».

Одновременно с этим письмом он послал краткий план предстоящих исследований в Минусинском уезде и, опасаясь, что эти исследования потребуют больше времени, чем предполагалось ранее, запросил Академию наук, может ли он рассчитывать на продление срока путешествия.

В работах прежних исследователей, посетивших эти места, говорилось, что по верхнему течению Енисея и по его притокам рассеяны самоедские племена — койбалы, маторы, асаны, сойоты. Более поздние работы отрицали принадлежность перечисленных племен к самоедам и утверждали, что эти племена тюрские.

Изучая маторов и койбалов, Кастрен пришел к выводу, что хотя эти народы говорят на тюркском языке, но они все же удержали некоторые выражения и особенности своего прежнего самоедского языка и, таким образом, вполне вероятно их самоедское происхождение.

О сойотах (тувинцах) Кастрен собрал немало сведений в койбальских улусах. По рассказам койбалов выходило, что сойоты говорили на том же языке, что и хакасы, или, как их называли, минусинские татары. Но встретить сойотов Кастрену не удавалось: они жили за горами по ту сторону китайской границы.

Из Шадатска Кастрен отослал Шегрену письмо, в котором писал:

«Наконец я принял твердое намерение побывать в Китайской империи, чтоб познакомиться с сойотами.

Этой поездки в данной мне инструкции, конечно, не значится, да, сверх того, она воспрещается китайским пограничным уставом; но уже одна мысль отложить разыскание о происхождении сойотов для меня невыносимее самого плена у китайцев.

Здесь утверждают даже, что сойоты теперь совершенные татары, но мнения в этом отношении спорны и неопределенны. Чтоб добыть положительные и верные сведения об этом предмете, столь важном для этнографии и истории, я нынче же пускаюсь, во имя бога и науки, в путь к китайской границе.

Татары сильно жалуются на трудности этого пути; я же повторяю слова одного лопарского вожака: «Где пробирались другие, там и я проберусь с божией помощью».

Меня больше озабочивает то, что в последнее время минусинские татары грабили и разбойничали в земле сойотов. Нисколько не думая, что сойоты вздумают вымещать на мне разбой татар, я все-таки могу ожидать не совсем того ласкового приема. Сего ради я располагаю скрыть свое настоящее звание и явиться к ним звероловом или искателем золотых приисков. По совету татар, я запасаюсь мехами, чтоб одарить сойотов за гостеприимство. За сим я вполне полагаюсь на моего будущего толмача и путевода — койбала, живущего на одном из Амыльских золотых приисков.

По всей вероятности, через месяц я возвращусь в Шадатск. Не будет от меня никакой вести более месяца — это знак, что я схвачен и отправлен к китайскому императору. Как ни интересно путешествие в Пекин, но на этот раз я охотно отложил бы его до другого времени.

Лошади уже готовы, все уложено, спутники торопят, и я поневоле кончаю это письмо».

* *
*

В нескольких верстах от Шадатского форпоста кончилась проезжая дорога, и дальше вверх по Амылу в Саянские горы вела лишь узкая тропинка.

Караван двигался вперед длинной вереницей. Дорога шла то среди топкого болота, где каждый шаг в сторону мог стоить жизни и всаднику и лошади, то по кручам, спускаясь с которых, лошадь почти ложится на брюхо и ползет вниз, перебирая передними ногами. То над головой сияло голубое небо, то нависал непрозрачный покров черной листвы вековых деревьев.

Ехали молча, не спуская глаз с дороги. В караване были чиновники, казаки, золотопромышленники, священник. Но сейчас трудно было отличить слугу от барина, казака от священника — все были в одинаковой киргизской одежде из верблюжьей шерсти, в одинаковых, накинутах на лица сетках из конских волос и в круглых татарских шапках с широкими полями. Многие были вооружены ружьями и пистолетами и время от времени стреляли в воздух, чтобы удерживать волков и медведей на порядочном расстоянии от дороги.

Ехали черным пихтовым лесом, казавшимся еще мрачнее от густого тумана, который, словно дым, поднимался с гор и окутывал все вокруг. Местами проход между деревьями был

так узок, что трое золотопромышленников, отличавшиеся излишней тучностью, должны были слезать с лошадей и идти пешком.

У Амыла караван задержался. Переправа через быструю и довольно глубокую реку считалась опасной.

Золотопромышленники, на которых вид бурлящих мутных волн нагнал страх, сочли за благо не рисковать, а, сделав порядочный круг, переправиться через реку в другом месте на лодке.

Только два казака смело въехали в реку, Кастрен последовал за ними, и дальше они продолжали путь уже втроем.

Привычные к подобным дорогам казаки двигались по скалам и косогорам так же быстро, как по гладкому полю. С лошадей не слезали от восхода и до заката солнца. А когда день казался коротким, то прихватывали еще и часть ночи. Больше недели добирались до границы, проходящей по одному из хребтов Саянских гор.

Позади оставались реки и болота, непроезжие степи и дремучие леса. За все это время им встретилось лишь несколько шалашей — золотопромыселен, а потому и в ясную и в дождливую погоду, и в зной и в холод приходилось ночевать у костра под открытым небом. Питались по большей части чаем и хлебом, иногда удавалось добыть овечьего или козьего молока, а иной раз приходилось довольствоваться одними кореньями кандыка и сараны.

На перевале путники сошли с коней, рассматривая открывшийся перед ними вид. Вокруг, куда ни взглянешь, простиралась лесная страна, прорезанная множеством рек. На восток и на запад тянулись горные отроги. В отдалении стояли высокие, покрытые снежными шапками горные вершины: Кырки-таскыль, Кодур-таскыль. Ала-таскыль...

Никто не заметил, как собрались густые тучи. Вдруг раздался удар грома, полил дождь. Все вскочили на лошадей и псмчались вниз по горному склону — в Китайские владения.

* *
*

Сойотский дарга — чиновник, собиравший подати и вершивший суд, вполне удовлетворился объяснением, что Кастрен золотопромышленник, долго блуждал в горах и случайно забрел в китайские пределы.

Дарга поклонился и спросил:

— Как здоровье Белого царя? Какова погода в России? Благоденствует ли народ, хороши ли травы и здоров ли скот?

После обстоятельного ответа Кастрена дарга в свою очередь поведал о том, что и Великий хан — китайский император находится в вожделенном здравии, что все его подданные счастливы и довольны, что стада множатся, травы растут, солнце светит и бог милостив.

Потом дарга и Кастрен несколько раз затянулись из трубки дарги, заложили в нос по доброй щепоти табаку из табакерки Кастрена. Дарга подарил Кастрену козью шкуру, получил взамен табакерку и, казалось, был очень рад знакомству.

Уверенный в дружеских чувствах дарги, Кастрен разбил палатку и безмятежно заснул.

Каково же было его удивление, когда на следующий день дарга встретил его очень холодно.

— Если вы тотчас же не покинете пределы Китайской империи, то я вынужден буду вас и ваших спутников задержать и отправить в Пекин...

— Но вчера...

— Так повелевают законы, — смотря в сторону, продолжал дарга.

Видя, что дальнейший разговор бесполезен, Кастрен попросил даргу посетить его палатку. Дарга не отказался от приглашения, и за переданный в палатке из рук в руки кусок красного сафьяна Кастрен получил разрешение остаться в Китае еще на неделю.

Через неделю, успев выяснить все, что ему было нужно, он вернулся в пределы России. Сойоты действительно говорили на том же наречии, что и минусинские татары — хакасы. Но в их языке, отметил Кастрен, остались следы, свидетельствующие о том, что часть сойотских племен были несомненного «самоедского происхождения».

Почти два года посвятил Кастрен изучению саянских народов. Об этих годах он пишет в отчете Академии наук: «По моим разысканиям оказалось, что старинное показание (об остяцко-самоедском происхождении алтайско-саянских народов. В. М.), хотя во многом неопределенное, неполное и запутанное, в сущности верно. Но чтобы добраться до этого результата, я должен был приобрести сведения в тюркском и монгольском языках, ибо народы, о которых

шел спор, почти все приняли эти языки, удержав, впрочем, некоторые идиомы и особенности языков остяцкого и самоедского.

В мои занятия тюркским и монгольским наречиями входили несколько различных наречий, которыми говорили эти народы остяцкого и самоедского происхождения.

Заметок о тюркском, или татарском, наречии у меня набралось столько, что со временем я надеюсь составить татарскую грамматику с хрестоматией и словарем. Почти столько же собрано мною и для наречий монгольского и бурятского».

Изучая камасинцев, небольшой народ на реке Кан, Кастрен столкнулся с тем, что камасинский народ, состоявший всего из ста «податных душ», говорил на трех совершенно разных языках: татарском, самоедском и котском.

Котты (котовцы) — племя, близкое к кетам, считалось вымершим, и велика была радость Кастрена, когда он узнал, что четверо камасинцев, бывших по происхождению несомненными коттами, помнят свой родной язык.

Два месяца заняло изучение «неожиданно восставшего из гроба» языка коттов, вскоре окончательно обрусевших и забывших свой язык. Кастрен был последним исследователем, слышавшим этот язык.

Из минусинских степей Кастрен перебрался в Канскую область, начало 1848 года прожил в Нижнеудинске, изучая карагасов (тофаларов), а к весне изучение бурят привело его за Байкал.

В Селенгинской степи исчезли все следы самоедских племен, и он мог бы закончить свое путешествие, тем более, что программа исследований была выполнена гораздо полнее, чем требовала инструкция. Но Забайкалье привлекало Кастрена и в археологическом и в этнографическом отношении, он решил ехать до Нерчинска и уже оттуда только летом 1848 года тронулся в обратный путь.

Еще весной здоровье Кастрена ухудшилось. Во время остановок он чувствовал себя сносно, но стоило провести несколько дней в телеге, как начинался озноб, лихорадочный жар, боли в желудке.

Между жестокими изнурительными приступами болезни Кастрен продолжал работать.

В конце августа на пути из Иркутска в Красноярск Кастрен остановился на ночь в деревне Балай. В эту ночь

он ожидал регулярно повторявшегося через день припадкa лихорадки. Неожиданно хлынула горлом кровь. Кастрен потерял сознание и забылся сном.

Перепуганный балайский старшина послал нарочного в Красноярск к губернатору с сообщением, что «проезжий чиновник умирают».

Кастрен проспал двадцать часов и, возможно, спал бы дольше, если бы его не разбудили.

В избу заявились члены местного волостного правления во главе с писарем. Откашлявшись, писарь громко стал читать приказ от волости, уполномочивающий их описать имущество проезжего.

Вдруг за окном послышался курьерский колокольчик и стук подъехавшего к крыльцу тарантаса. В избу вошли врач, фельдшер и исправник, посланные в Балай красноярским губернатором.

Врач выгнал ретивых членов волостного правления, пустил Кастрену кровь, прописал различные лекарства, и через два дня, когда, больной немного поправился, его перевезли в Красноярск.

Путешествие было окончено.

Из Красноярска Кастрен писал в Финляндию своему другу Раббе:

«Я очень желал бы, чтобы усталые кости мои легли на вечный отдых в дорогом отечестве, но кто знает, что еще может случиться на долгом и трудном обратном пути.

Я еще не прощаюсь с тобой навеки, но если бы, сверх чаяния, со мной случилось что-нибудь неожиданное, то будь так добр и окажи мне последнюю дружескую услугу — прими на свое попечение все, что после меня останется. Большую часть я уже отправил в С.-Петербург на сохранение — частью к Шегрену, частью к пастору Сирену. В моем чемодане осталось только несколько книг и рукописей, восемь соболей, множество аквамаринов и других камней, разные золотые и медные древности, часы, серебряная табакерка, енотовая шуба, несколько сот рублей серебром и т. д. Кроме того, есть еще мои деньги у пастора Сирена, но сколько именно — не знаю. Я желал бы, чтобы все остающееся после меня имущество было представлено в виде пособия тому, кто возьмет на себя труд съездить к самоедам, изучить их язык, нравы, религию и прочее и потом издать мои труды, которые в настоящем своем виде не могут быть напечатаны. Мою остояцкую

грамматику мог бы обработать Бергстади, не предпринимая для этого особого путешествия. Материалами же, собранными мною по части языков тюркского, монгольского, маньчжурского и т. д., Академия может распорядиться по своему благоусмотрению.

Хотя все это и смахивает несколько на духовное завещание, ты не воображай, однако ж, чтобы я уже совершенно отчаивался в земном своем существовании. Напротив, я в полной надежде, что здоровье мое поправится и что я увижу солнце любезной родины. Итак, до свидания!

Твой друг *М. А. Кастрен*.

* *
*

С ланцетом для кровопусканий — первым средством тогдашней медицины, которым на всякий случай снабдил его врач в Красноярске, и с ящичком лекарств в багаже Кастрен к весне 1849 года добрался до Гельсингфорса.

В кратком «Донесении в Императорскую Академию наук» Кастрен подвел итог своим, почти восьмилетним путешествиям.

«Результаты (моих странствий), — писал Кастрен, — состоят во множестве не приведенных еще в порядок материалов. Но если какие-нибудь внешние препятствия не помешают, я непременно представлю на рассмотрение Академии одно за другим несколько сочинений преимущественно этнографического и лингвистического содержания. А так как, согласно инструкции, я занимался в то же время и историей, и мифологией, и археологией, и статистикой, и топографией, то и по этим частям надеюсь принести свою лепту науке...

Самым важным для науки материалом я почитаю мои лингвистические заметки о самоедском языке.

Из языков, которые, кроме самоедского, занимали меня во время путешествия, первое место принадлежит финскому. О нем написано и представлено уже мною несколько небольших сочинений*.

* Финским языком Кастрен обозначил здесь всю группу финских языков; им в то время были изданы работы по лопарскому, марийскому и коми-зырянскому языкам.

...Разыскания о происхождении самоедов и енисейских остяков (кетов) завели меня в область языков тюркского и монгольского... В мои занятия тюркским и монгольским наречиями входили несколько наречий... Упомяну еще, что и для тунгусского языка я собрал достаточно материалов для этимологии и словаря.

...Но богатейшее из всех моих собраний материалов как в филологическом, так и в этнографическом отношении касается самоедов. Я проследил это племя на всем его протяжении от Алтая на юге до Ледовитого моря на севере и от Енисея на востоке до Белого моря на западе и предполагаю издать полное этнографическое описание его или вдруг или постепенно выпусками.

...Закрываю краткий отчет о моей деятельности в продолжение путешествия на счет Академии. Покажутся кому-нибудь результаты этой деятельности слишком незначительными — попрошу строгого судью припомнить, что я обрабатывал трудное и неблагодарное поле, что и те плоды, которые удалось собрать, стоили и здоровья и лучших жизненных сил моих. Как бы то ни было, я вполне уверен, что по крайней мере в моем честном усердии всякий убедится и сам, когда, приведя в порядок и обработав, мне удастся издать мало-помалу все мои более или менее богатые собрания».

Огромная научная ценность материалов, собранных Кастреном, ни у кого не вызвала сомнений, результатов его исследований с большим интересом ожидали многие ученые, занимавшиеся различными вопросами языкознания, этнографии, истории, географии. Он был назначен экстраординарным адъюнктом Петербургской академии наук с разрешением жить в Гельсингфорсе, где в университете была учреждена кафедра по финскому языкознанию.

Чтобы стать профессором специально для него учрежденной кафедры, Кастрен должен был защитить диссертацию.

Диссертацию он написал, но защитить ее оказалось довольно трудно: в Гельсингфорсе не смогли найти оппонента, так как Кастрен был единственным в мире знатоком языков, которые рассматривались в диссертации. Положение спас профессор греческой словесности, согласившись сыграть роль своеобразного «генерала на свадьбе».

Защита привлекла много слушателей. «В просторной аудитории так было тесно,— вспоминает современник,— что большое число студентов должно было стоять и многие даже оставались за дверьми».

Кастрен стал профессором и приступил к чтению лекций по языкознанию, этнографии и мифологии финских народов.

В 1850 году он женился на девятнадцатилетней дочери профессора Тенгстрема. После долгих лет бродячей жизни, он впервые обрел свой дом, семейный уют, жизненные удобства. Через год у него родился сын.

Кастрен много работал. Основной его заботой была подготовка к публикации собранных в путешествиях материалов. Он торопился скорее закончить задуманные книги и работал больше, чем позволяло ему подорванное лишениями в Сибири здоровье. Несмотря на тщательный уход и врачебную помощь, он слег в постель.

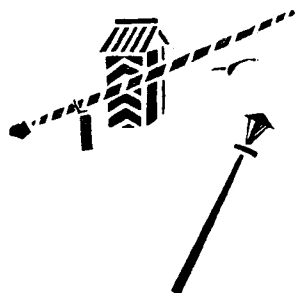
Кастрен понимал, что умирает, но до последнего дня, пока были еще силы держать карандаш, писал очередную главу самоедской грамматики.

16 апреля 1852 года на заседании Петербургской академии наук Шегрен огласил новую статью Кастрена, а на следующем заседании было получено скорбное известие о том, что 7 мая 1852 года Кастрен скончался.

Кастрен не успел привести в порядок все свои наблюдения и исследования. Лишь десять лет спустя Петербургская академия наук издала подготовленные к печати академиком Шифнером его работы в двенадцати томах. ! Крупнейший советский ученый — языковед Д. В. Бубрих писал: «Деятельность Кастрена была переломной точкой в истории финно-угорского языкознания не только в России, но и вообще в Европе. До Кастрена финно-угорского языкознания как научной дисциплины в сущности не было».

Труды Кастрена и собранные им материалы имели огромное значение для всех последующих поколений ученых: финнологов, монголистов, тюркологов, исследователей алтайских народов и малых народов Сибири. В 1927 году В. Г. Тан-Богораз так сказал о значении его исследований и его роли в истории науки: «В великой и сложной науке о человеческих народах, в ее разделе, относящемся к северной Евразии, Кастрен занимает место, единственное в своем роде. Он был началом движения, первым

биением творческой жизни. Это — исходный пункт, откуда разошлись многие и разные пути. Но по этим различным путям он шел одновременно и сам и так далеко зашел, что мы, вышедшие после него на столетие, до сих пор не можем догнать его. Это зачинатель, опередивший продолжателей. Его человеческий образ сияет кристальной чистотой, его научные работы доньше не превзойдены».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, М., 1860.

Шегрен А. И. Очерк жизни и трудов Кастрена. В кн.: «Вестник Русского географического общества», 1853, ч. 7, кн. 2.

«Памяти Кастрена». Сб. статей, Л., 1927.

«Народы Сибири» Этнографические очерки, М.-Л., 1956.

Токарев С. А. Этнография народов СССР, М., 1958

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Таинственный немец	3
«Труд жизни»	7
Первое путешествие	11
Осуществляется заветное желание	17
Буря на море	21
Путь к Обдорску	24
Что желает узнать Академия	32
Даже Клапроту нельзя верить	35
Друзья мои — самоеды	42
Во имя науки	52

Владимир Браниславович Муравьев

*

ВЕХИ ЗАБЫТЫХ ПУТЕЙ

*

Редактор *Л. И. Гришина*

Художник *А. Добрицын*

Художественный редактор *С. С. Верховский*

Технический редактор *Н. П. Бурлака*

Корректор *В. Ф. Широкова*

Т-02867. Сдано в производство 3/1-61 г. Подписано в печать 2/11-61 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печатных листов 2, условных листов 3,28. Издательских листов 3,26. Тираж 20000. Цена 10 коп.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Заказ № 1347.

10 коп.